

Василий Панфилов

БЕЗ ОТЕЧЕСТВА...
Без Веры,
Царя
и Отечества

Без Веры, Царя и Отечества

Василий Панфилов

Без Отечества...

«Василий Панфилов»

2022

Панфилов В. С.

Без Отечества... / В. С. Панфилов — «Василий Панфилов»,
2022 — (Без Веры, Царя и Отечества)

Российскую Империю трясёт лихорадка Гражданской Войны, и Алексей, не желая участвовать в братоубийстве, уезжает из страны. Какого чёрта он должен убивать людей ради чужих барышей и идеалов, вызывающих у него отторжение! Но в России остались его родные, не пожелавшие уезжать, и душа молодого человека рвётся на части от боли и понимания, что страну, а вместе с ней и его родных, ждут десятилетия тяжелейших испытаний, и далеко не факт, что они останутся живы. Но что может сделать один человек?! А действительно... что? Ведь даже пытаясь оставаться в стороне, он уже изменил Историю! Что будет, если герой начнёт действовать?!

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Таможня, «рюсся» и Красная Угроза	8
Глава 2 Рюсся, чухна и Весёлые старты	19
Глава 3 Принцесса Грёза, агент реакции и петушок на палочке	28
Глава 4 Париж. Весна. Любовь	46
Глава 5 Не день, а чёрт те что!	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Василий Сергеевич Панфилов

Без Отечества...

Пролог

Остановив поезд на полустанке перед Выборгом, финские таможенники весьма бесцеремонно вывели из вагонов всех пассажиров вместе с багажом, начав выстраивать нас в живую очередь.

Полустанок небольшой, с бетонной платформой, несколькими строениями и грунтовой дорогой, обочины которого засажены чахлым, но аккуратно подстриженным кустарником, на котором кое-где виднелась редкая, скукожившаяся, пожелтевшая листва. В спину бьёт порывистый ветер, иногда срывается дождь или мокрый снег, мироощущение под стать погоде.

Никто из нас ничего не понимает, отчего настроения в толпе скачут шалыми зайцами, петляя самым причудливым образом. Но как это всегда бывает, некоторые спешат высказать своё мнение, выплеснуть его из помойного ведра в собственном сознании на окружающих, окатив как можно больше народа.

– Это большевики! – с кликушеским надрывом вещает престарелый господин в дырявых галошах, подрагивая реденькой седой, совершенно козлиной бородкой, не скрывающей скошенного безвольного подбородка, – Я вас уверяю...

В чём именно он уверяет и кого, я так не понял. У козлобородого господина тотчас заклинило что-то внутри, и он так и остался стоять, подрагивая бородкой и раз за разом уверяя окружающих в том, что это большевики. Вскоре выходящие из вагонов пассажиры оттеснили его, и толпа, прежде толкавшаяся на бетонном пятачке, пришла в движение.

Финские солдаты в форме Русской Императорской Армии, но с нарукавными шевронами молодой республики, придали этому броуновскому движению вектор, и мы, подобно овечьей отаре, потянулись к отдельно стоящему домику, украшенному большой свежей вывеской, почему-то только на финском.

– Таможня! Таможня! – махал рукой рыбоглазый финн в партикулярном платье в сторону домика, – Там!

К нему тут начали подтягиваться с вопросами пассажиры, но рыбоглазый, замечательным образом не понимая русского языка, всё твердит:

– Таможня! Таможня! Там!

– Нет, господа, я решительно не приемлю! – астматически пыхтит позади меня интеллигентного вида немолодой мужчина с чёрной окладистой бородой, тянувший свои чемоданы волоком по весенней грязи, – Какая-то чухна... а-апчхи! Нет, я...

Подхватив потёртый, но ещё добротный чемодан жёлтой кожи в левую руку и саквояж в правую, обгоняю его по обочине, по самые щиколотки влезая в вязкую весеннюю грязь, перемешанную с хрустким ледком. Тяжёлая поклажа сразу оттянула руки, заныли связки и плечи, но лучше уж так, чем стоять потом в очереди на сыром ветру.

– Сатана перкеле! – ругнулся пробегающий мимо финн, прикладом винтовки отпихивая грузную даму со шляпными коробками, шествовавшую посреди дороги с тем неторопливым курортным достоинством, которое в данный момент выглядит скорее издевательством, – С дороги, руссия!

Не оглядываясь, он тяжёлой потрусил в конец состава, где пассажиры всё ещё выгружаются из вагонов.

– Хам! – в голосе дамы не боль, но возмущение, – Павлик! Сделай же что-нибудь, ты же мужчина! Как ты можешь спокойно смотреть, как оскорбляют твою супругу?

В её голосе нотки зарождающегося семейного скандала. Павлик, низкорослый лысеющий мужчина с потным лицом английского бульдога, бросив быстрый взгляд в спину удаляющемуся финну, только втянул голову в узкие жирные плечи и смолчал, крепче вцепившись в чемоданы.

– Нет, я решительно...

Дама возмущена, и это возмущение настолько наглядно, что буквально электризует воздух. Голова её, артиллерийской башней возвышающаяся над меховым воротником, ворочается по сторонам, а несколько заплывшие водянистые глаза, будто корабельные оружия, наводятся на цель.

– Молодой человек! Вы...

Прохожу мимо, старательно игнорируя даже не просьбу, а требование дамы остановиться и помочь слабой женщине с поклажей, чухной и вообще – решить её проблемы, ведь я же мужчина! Слышу в свой адрес нелицеприятное, но да и чёрт с ней!

Оскальзываясь попеременно то на грязи, то на осколках льда, иду в голову зарождающейся очереди, выстраивающейся возле небольшого домика, стоящего чуть в стороне от железнодорожных путей. Выборг виднеется где-то на горизонте, да и он ли это? Чёрт его знает... Право слово, дурацкая ситуация!

Почему, зачем... Наверное, у финнов есть резон поступать именно так, но сдаётся мне, резон этот насквозь пропитан тем мелким национализмом, в котором очень мало национального патриотизма, и очень много – торжествующего мещанства.

Порывистый сырой ветер быстро выстудил философские мысли из моей головы, а грязь, норовящая забраться в ботинки, свела их к самому что ни есть приземлённому.

Через несколько минут я оказался в голове очереди. Впереди меня несколько потрепанных жизнью и алкоголем господ в статском, два офицера со споротыми погонами и ожесточёнными лицами людей, обиженных на весь мир разом, и молодая некрасивая пара, постоянно переговаривающаяся тем шёпотом, который слышен за несколько метров.

Очередь тянется удручающе медленно, и чтобы хоть как-то занять себя, украдкой разглядываю стоящих впереди, пытаюсь разгадать их. Занятие это одновременно увлекательное и немного постыдное, но это хоть как-то скрашивает томительное ожидание, заставляет отвлечься.

Знобит. Вроде и одет достаточно тепло, по погоде, но потряхивает вполне ощутимо. Не то нервы, не то простуда решила вдруг напомнить о себе.

– Заходи, – внезапно манит меня выглянувший из двери финн.

– Позвольте! – возмутился один из господ в статском, срываясь на фальцет, – Я...

Почти тут же он осёкся под взглядом финна, и катнув желваки, ожёг меня ненавидящим взглядом. Я же, как человек в некотором роде бывалый, отмолчался, и подхватив багаж, шагнул в распахнутую дверь, из которой пахнуло теплом, табаком и тем кислым казённым запахом, что возникает в присутственных учреждениях будто по мановению волшебной палочки.

В помещении жарко и несколько тесно из-за избытка мебели, совершенно не подходящей для таможенного пункта. Вся она производит впечатление трофейной, уместной скорее в кабинете товарища министра. Массивный письменный стол красного дерева, совершенно не подходящий к столу письменный шкаф, роскошное кресло, богатые стулья как бы не от Гамбса¹, и тут же – полки из струганных досок, плохо окрашенный облезлый пол и чахлого вида фикус в старом глиняном горшке.

Смеются... наверное, не надо мной... а если и да, то и чёрт с ними! Глава таможенного пункта, плотный белесый финн под тридцать со знаками различия поручика, развалился

¹ Знаменитый мебельный мастер конца 18 и первой половины 19 вв.

на кресле самым похабным образом. Хохочет, не закрывая рот, шутит с подчинёнными на финском и подписывает бумаги, старательно не глядя в мою сторону.

Финны громко хлопают дверьми, громко говорят, необыкновенно отчётливо щёлкают каблуками, козыряют перед лицом начальствующим, и так же громко не замечают меня. Всё это похоже на какой-то дурной самодеятельный спектакль.

Оглушительно тикают ходики, минута тянется за минутой. Всё также хлопают двери, козыряет ефрейтор, а поручик таможенной службы шутит, хохочет, небрежно подписывает бумаги и демонстративно не замечает меня.

Тик-так... каждая секунда кажется вечностью. Стоять вот так – мука мученическая, но... жду.

Наконец, тот самый ефрейтор, такой подобострастный и услужливый с командиром, манит меня рукой в другой комнату, где разом преображается во властного и свирепого начальника.

– Раздевайся, – небрежно приказывает он, нетерпеливым жестом показывая на ветхий стул, куда можно сбросить одежду. Рядовые уже копаются в моих вещах, открыв чемодан и бесцеремонно вытряхнув вещи на нечистый пол.

Мне не полагается ни коврика, ни какой-либо тряпочки, стою обнажённым прямо на холодных, истоптанных сапогами досках. Нещадно дует из окон, мои вещи на полу, и финские солдаты небрежно ворошат их, наступая безо всякого стеснения на сорочки и носовые платки.

– Не положено, – взгляд ефрейтора прикован к маленькой бронзовой нимфе, славной скорее натуралистичной эротикой, нежели художественными достоинствами, – конфисковано.

Он уставился на меня, ожидая возмущения и споров, но я смолчал. Короткая зубастая улыбка и шуточка на финском, смешки рядовых...

Одеваюсь. Меня торопят, и вещи в чемодан я закидываю как есть, навалом. Нет времени даже отряхивать их после финских ботинок и сапог. С трудом затягиваю ремни на раздувшемся чемодане, застёгиваю саквояж, и накидываю на плечи пальто.

– Ступай! – и небрежная отмашка рукой. Снова шуточка, очевидно про меня, и я выхожу из таможни с противоположной стороны. Ботинки не зашнурованы, пальто расстёгнуто, а сорочка, кажется, надета наизнанку.

Во рту вкус полыни и унижения, и одновременно облегчения. Ну здравствуй, Европа!

Глава 1 Таможня, «рюсся» и Красная Угроза

Номер крохотный, узкий, полутёмный, похожий на тесный деревянный пенал. В маленькие оконца с двойными рамами едва протискивается свет заходящего солнца, освещая убогое внутреннее убранство. Кровать у самой стены, оклеенной дешёвыми бумажными обоями, щелястый рассохшийся шкаф, стул, несколько крючков для одежды на двери, лампочка в абажуре из цветной бумаги, да у самого выхода крохотный умывальник с облупившейся эмалью.

Пахнет сырым бельём, мылом и железной дорогой, близость которой ощущается в мелочах. В подрагивании оконных стекол, в звуках паровозных гудков, лязге сцепляемых вагонов и звучащих объявлений, которые хоть и отдалённо, но слышны в гостинице. Пахнет железом, угольной копотью, морем и почему-то рыбой. Под окнами подгулявший пролетариат отмечает окончание рабочего дня. Словом – та рабочая окраина, из которой я когда-то вышел и очень надеялся, что навсегда!

Поставив чемодан и саквояж на пол, я сел на скрипнувшую кровать и усмехнулся криво. Как-то всё... неинтересно, тускло и тухло. Не так всё... не так!

С силой вдохнув, полной грудью вобрал затхлый воздух отеля и раскашлялся.

– Да чтоб ты! – кашель никак не унимается. Простуда, не простуда... но привязалась какая-то зараза ещё с Москвы, а Выборгское стояние усугубило моё нездоровье. Да ещё воздух... Это ж как надо расстараться, чтобы в номере отчаянно дуло изо всех щелей и при том было затхло и душно?

Пожелав мира и добра строителям отеля, а पुше того, его хозяевам, портье и горничным, принялся разбирать вещи, чертыхаясь поминутно. Видеть на сорочках следы грязных подошв едва ли не физически неприятно, каждый раз вспоминался тот унижительный обыск, стояние голышом на холодном полу, хлопающие двери и зрители, видевшие мой невольный стриптиз.

Настроение ни к чёрту! Попытался утешить себя тем, что вырвался из России, погружающейся в Гражданскую Войну, но попытка не удалась. Я в самом начале квеста, и подозреваю, он не закончится с моим прибытием в Париж. Чёртов возраст...

Кое-как разложил вещи, оставив чемодан полуоткрытым, и задумался, кусая губы. Несколько дней в дороге без возможности помыться, это по нынешним временам не Бог весть какие трудности, но...

– Сорочкой обтереться, что ли? – нерешительно озвучил я, поглядывая на умывальник. Сауна при отеле есть, но оставлять багаж без присмотра...

Встав, заглянул в жестяной бачок умывальника, приоткрыв потемневшую от времени крышку, и увиденное меня отнюдь не порадовало. Бачок давно пора вымыть изнутри, на дне застоявшаяся вода, да с десятков мелких тараканов.

– В баню, что ли... – задумался я, делая мучительный выбор между паранойей и стремлением к чистоте. Сразу же зачесалось всё тело, да так, будто на меня высыпали полную жменю клопов вперемешку со вшами!

Почёсываясь, заметался по номеру, выискивая возможные тайники и мучительно размышляя о степени порядочности финских горничных, но плюнул отнюдь не метафорически, и решил положиться на уже выручившую меня психологию. Собрав узелок с чистой одеждой, методично разложил взятые с собой обманки по тайникам, которые здешняя прислуга знает уж всяко лучше меня!

– Сработало на таможне... – не договорив, дёргаю плечом и спускаюсь вниз, утешая себя тем, что финны один из самых законопослушных народов. Получается так себе, таможня с её скотством произвела на меня неизгладимое впечатление.

– Чем мок-ку помо-очь? – поинтересовался портье, не сразу отвлëкшись от увлекательного наблюдения за половой жизнью тараканов. Выслушав меня, он закивал важно.

– А как же... одна из лучших саун в Хельсинки!

Сильно сомневаюсь... но спорить не стал, напротив – подбросил в хилый очаг его разума немного сырых дров, вспомнив некогда посещённые бани и сауны разных стран и народов и весьма лестно отозвавшись о собственно финской. Лобызать меня в дёсны портье не стал, но взгляд его, прежде тухлый и несвежий, оживился и стал вполне осмысленным, почти дружелюбным.

Сауна не показалась мне заслуживающей высоких эпитетов, но впрочем, сносная. Единственное, несколько тесноватая, да и соседство компании моряков, благоухающих парами алкоголя и переговаривающихся на дикой смеси нескольких языков, не сильно порадовало. Так что мылся я наскоро, а в парилку сделал всего два захода, исчезнув сразу, как только голоса моряков стали громче, а движения размашистей.

– Ещё мне не хватало в морду выхватить от пьяного быдла, – бормотал я в раздевалке, наскоро вытирая голову полотенцем и настороженно прислушиваясь к происходящему в парной.

Поднявшись в номер, проверил наскоро тайники и швы в одежде, и только тогда выдохнул облегчённо. В дверь постучали, и я невольно насторожился...

– Да, сейчас, – отозвался я, делая шаг к двери и поворачивая торчащий в замке ключ.

– Топрый вечер, сутарь, – сухо поздоровалась со мной приземистая немолодая горничная, даже не пытаясь натянуть на лошадиную физиономию любезное выражение, – Пельё?

– Вечер добрый, – отзываюсь озадаченно, – Простите?

– Пельё, – горничная закатила глаза и пробормотала несколько слов на финском. Не уверен, но кажется, в её монологе прозвучало и «рюсса» в соседстве с парочкой не менее лестных эпитетов, – грязное пельё, стирать.

– Ах да! – понял я наконец, смутившись неведомо чему, – Да, вот... держите.

Забрав узел с грязным бельём горничная ушла, на прощанье выразительно качнув толстым задом и не менее выразительно хлопнув дверью. Я попытался понять её... понять всех финнов, которых веками угнетал Петербург...

... но не получилось. Естественно, я многое не знаю и не могу натянуть на себя чужую шкуру, но... Нет, не получилось.

В животе забурчало, и я, прихватив загодя припасённую газетку, пошёл в туалет, находящийся в конце коридора. Здесь мне пришлось отстоять прокуренную очередь, сжимая ягодицы и слушая неторопливые разговоры на финском, шведском и датском, приправленные туалетной музыкой и соответствующими запахами.

Дождался... Внутри – два посадочных места, разделённые невысокой перегородкой, два писсуара и единственный подтекающий умывальник в обрамлении мелкой, неровно выложенной кафельной плитки грязно-синего цвета. В одной из кабинок тужится грузный финн, комментируя всё происходящее безо всякого стеснения, и меня аж ностальгия пробила...

... как в армии когда-то! Только что посадочных мест побольше было, а так один в один.

Вернувшись в номер, шуганул тараканов из умывальника, и не прибегая к помощи горничной, тщательно вымыл бачок, натаскав потом воды из туалета. Уборка, как ни странно, помогла привести мне мозги в порядок, пребывавшие до того в каком-то интеллектуальном оцепенении.

Да, всё по-прежнему хреново! Но я жив, относительно здоров, вырвался из объётой войной страны и имею все резоны смотреть в будущее с толикой оптимизма!

– Бывало и хуже, – пробормотал я, усаживаясь на кровать, но мантра эта помогла слабо. Впрочем... и чёрт с ней! Думать буду завтра, а пока – спать! Уснул я, кажется, едва коснулся головой подушки в вылинявшей наволочке, из которой торчало жёсткое перо...

... а разбудила меня перестрелка и взрывы гранат в непосредственной близости от гостинойцы...

Не сразу понимаю, где я нахожусь и что, собственно говоря, происходит! Снилось мне всякое... соответствующее, так что даже проснувшись, первое время ещё не осознал этого, считая за отголоски кошмара.

Снова выстрелы, и в этот раз – точно наяву... пуля, разбив окно в моём номере, расщепила дверцу шкафа, застряв в ней. Окончательно проснувшись и с силой втянув воздух в грудь, я скатился с кровати и залёг под ней с колотящимся сердцем на ледяном полу, ругаясь на всех известных мне языках разом.

Чихнув, подтягиваю под себя выцветший даже не от старости, а от ветхости, прикроватный коврик из лоскутков, запихивая себе под грудь, живот и пах. Босые ноги мёрзнут страшно, а обнажённая спина покрылась мурашками, атавистически топорщащими отсутствующую шерсть.

Сердце колотится, заходясь в невообразимой лезгинке, адреналин выделяется, кажется, через поры, а мозг судорожно перебирает варианты, перескакивая от «затаиться и не дышать» до «бежать хоть куда, но очень быстро!» Меня начинает колотить дрожь, разом нервная и от холода, снова чихаю, сжимая нос рукой и вслушиваясь в пальбу, пытаюсь на слух определить, что же там, чёрт подери, происходит!?

Выстрелы из винтовок и охотничьих ружей щедро разбавлены револьверной трескотнёй, да где-то вдали послышалась длинная пулемётная очередь из «Мадсена». Взрыв! Лязг огромной кучи железа и небольшое, но явственное сотрясение почвы.

– Не иначе как паровоз рванули, – соображаю я, постукивая зубами, – ну или вагоны... хрен редьки не слаще! Резво начали... знать бы ещё, что именно! И, собственно, кто...

Топот ног в коридоре, крики, ругательства... и чуть помедлив, я выкатился из-под кровати, собирая на себя пыль и дохлых тараканов.

– Проклятье какое-то, право слово... – сдавленно шиплю я, и от обиды – аж слёзы на глазах! Как-то всё это неправильно... Стрельба эта, тараканы... Больше всего, пожалуй, меня раздрадовало весьма своеобразное пробуждение и дохлые насекомые, которых я с превеликим отвращением стряхиваю, теряя секунды. Как-то это всё унижительно и гадко...

Отряхнувшись, первым делом вытаскиваю из саквояжа «Браунинг» с запасными обоймами, остро радуясь тому, что по нынешним временам личное оружие считается таким же уместным аксессуаром, как запонки и часы. С оружием в руках чуть успокоился, и не отрывая взгляда от двери, пытаюсь одеться, не вставая с пола.

– Весь мусор собрал, – злюсь я на ситуацию, натягивая брюки лёжа на полу. Некстати напомнил о себе мочевой пузырь, отчего настроение резко ухнуло вниз. Если приспичит, я могу использовать ведро под умывальником, и не сомневаюсь нисколько, что большая часть постояльцев делает тоже самое. Но...

... я чужак! Веналайнен².

Обыденное действие, ничуть не зазорное для аборигенов, мне могут попомнить, а слышать оскорбительное шипение «Рюся!» в спину, или пуще того – публичный выговор, который та же горничная с лошадиной физиономией сделает с наслаждением, ой как не хочется!

Стрельба тем временем несколько затихает, отдаляется от вокзала. Помедлив немного, перебрался с пола на кровать, улёгшись на простыни прямо как есть, в одежде. Из разбитого окна сильно дует, и горстями насыпается на дощатый пол быстро тающий снежок. Уже решил было прикрыться одеялом, но в коридор начали выходить возбуждённые постояльцы, и я, подумав немного, присоединился с ним.

² Веналайнен – нейтральное название русских в Финляндии.

На финском я знаю порядка пятисот слов, добрую половину которых могу различить, только если собеседник произносит слова, тщательно их выговаривая, так что хотя бы общий смысл ухватил не сразу. Зато потом разом, ушатом ледяной воды на голову...

... красные подняли восстание!

От такой новости у меня аж зубы заболели... Как всё не вовремя! Историю я, к сожалению, знаю кусками... и почти ничего не знаю о Финляндии!

Помню только, что была гражданская война между красными и белыми, и победили вторые, но не сразу. Резня русских офицеров в Гельсингфорсе, уже случившаяся в этой реальности. Постоянные стычки на границе, несколько незначительных по масштабам Советско-Финских войн в двадцатые. Зимняя война в тридцать девятом. Кукушки. Осада Ленинграда. Маннергейм.

Коридор наполнился табачным дымом, людьми и сквозняками. Из своих номеров вышли, кажется, решительно все постояльцы, многие полуодеты и все растеряны. Говорят все разом, и если одни ничего не понимают, то другие знают слишком много и вываливают на собеседников всё, что стенировал спросонья пропитанный алкоголем мозг.

Снова напомнил о себе мочевого пузыря, и я заспешил в туалет, пока снова не образовалась очередь.

– ... красный флаг на народном доме³! – орошая писсуар, слышу из открытой двери обрывочные фразы. Рядом, попёрдывая и натужно сопя, отливает здоровенный докер, косясь по сторонам пьяными бессмысленными глазами. Алкогольные пары и перегар от него едва ли не перебивают туалетное амбре, а стёсанные костяшки кулаков говорят о характере много лучше полицейского досье.

– Свет, дурень! Какой флаг ночью! Красный свет! Я тебе точно говорю! Тойво, мой кузен...

В кабинке закричали, и я так и не узнал продолжение истории с Тойво, о чём на несколько секунд даже пожалел. Сюр...

После туалета снова зашёл в номер, вернувшись с портсигаром и кисетом с турецким табаком, доставшимся мне по случаю. Сам я почти не курю, но с собой таскаю, чтобы проще было завести беседу.

– Угостишь? – на ломаном финском интересуется коренастый морячок с датским акцентом, светя фонарями под обоими глазами. Он до невероятия похож на очеловеченного панду, только что запойного. Это так забавно, что я невольно улыбаюсь, впервые за несколько дней.

– Откуда? – протягивая кисет, спрашиваю у него на датском. Побитый, но не сломленный, с заплывшими глазами и драным ухом, он, те не менее, вызывает невольную симпатию.

– Мальмё, – охотно отзывает тот, сворачивая щедрую самокрутку за мой счёт и блаженно нюхая её, прежде чем прикурить, – Дан?

– Мать в Дании живёт, – чуть уклончиво отвечаю я, также сворачивая самокрутку. «Земляка» это вполне удовлетворило, нас уже двое...

Говорят здесь преимущественно на финском и шведском, государственных языках Великого Княжества Финляндского. Русский, к слову, в число государственных вошёл только недавно... хотя казалось бы!

Но именно что недавнюю историю Финляндии я знаю, хотя и не слишком хорошо. Знаю также, почему произошёл всплеск русофобии, хотя не могу одобрить ни русофобию в частности, ни национализм вообще.

³ Народные дома в Финляндии были аналогичны подобным заведениям в других скандинавских странах. Находились под контролем СДПФ и осуществляли образование, просветительство и культурную деятельность «среди рабочего населения»

Началось всё с Февральского Манифеста 1899 года, установившего право Великого Князя издавать законы без согласования с представительными органами власти Финляндии, вызвавший бурю возмущения в народе. А дальше всё было как нарочно, да ещё с незабываемым оттенком чиновничьего произвола и бюрократической неуклюжести, коими так славится крапивное семя Российской Империи.

Русский язык как третий государственный – ладно – поворчали, но приняли. Ликвидация вооружённых сил Финляндии как отдельных, и включение их в состав вооружённых сил Российской Империи – возроптали, но проглотили...

А вот ограничение прав финского Сейма в пользу думы, и частично – правительства Российской Империи вызвало взрыв! Финны, прежде баловавшиеся разве что лёгкой фрондой, чуть ли не поголовно стали националистами и сепаратистами.

– ... не отсыпешь чутка? – интересуется ещё один дан, черноволосый крепыш лет под тридцать, с грубым, обветренным лицом профессионального рыбака, прерывая мои раздумья. Делюсь... собственно, для таких случаев и брал.

– Откуда сам? – интересуется рыбак, сворачивая самокрутку.

– Россия, – затягиваюсь, не глядя на него. Он тоже молчит, пуская дым кольцами.

– Из наших? – всей кожей ощущаю, что на меня смотрят не только эти двое, и какой ответ будет правильным... не знаю!

– Русский, – криво усмехаюсь я, переводя на него взгляд, но не давая так, для лучшего понимания.

– Мать в Дании, – прерывая неловкое молчание, говорит панда, записавший меня как бы не в приятели. Киваю, и на этом вопросы исчерпаны.

Датская родня у меня и правда есть... как собственно, и шведская, немецкая, шотландская и американская. Ничего особенного, на самом-то деле, тем паче для аристократии. Собственно русской крови во мне не больше четверти, для дворянства Российской Империи это скорее норма, и это замечательно подчёркивает расхождение культур и то, почему российское дворянство вело себя в России, как на завоёванной территории.

Просто... как-то не хочется говорить обо всём этом. Всё-то кажется, что объяви я о скандинавской крови в моих венах, я предам что-то невидимое и неведомое, непонятное мне самому. Притом, что скандинавской родни я не стыжусь...

... но здесь и сейчас – я русский! Однако и педалировать национальную тему не хочу. Спросят конкретнее – скажу без утайки, а так... не хочу.

Все эти расспросы, подробности... к чему? Они ведь не узнали меня, чем я совершенно не огорчён. Право слово, слава у меня несколько сомнительная! А учитывая контингент, можно ожидать весёлого гогота, хлопков по спине, пожелания непременно выпить со мной (непременно напив до изумления) и благопожеланий мне лично, причудливо смешанных с оскорблением русского государства и религии (что я переживу легко), и собственно русской нации и культуры, чего я не хочу ни выслушивать, ни терпеть.

Потихонечку просыпаясь, народ стал разбиваться на кучки, и я оказался среди датчан. Очень хочется делать хоть что-то, но... я здесь чужак, и лезть в местную заварушку мне кратно опасней, чем финнам.

– У портё узнать бы... – вполголоса говорю я, затягиваясь и пуская дым через ноздри. Слова мои были услышаны, но остались без ответа, а минуту спустя среди местных финнов нашёлся лидер, который решительно затопал вниз. За ним овечьим стадом потянулись и остальные.

Внизу заговорили разом, перебивая, переспрашивая и не слушая. Минуты две стало выстраиваться что-то вроде диалога, и из обрывочных фраз я понял, что в Хельсинки восста-

ние, вокзал захватила (будь она неладна!) Красная Гвардия, и сейчас в городе идут бои, так что лучше не высовываться.

Назывались также конкретные имена, но мне, за почти полным незнанием финского языка и скверным знанием местных реалий, говорили они мало. Ладно ещё Свинхувуд, ибо сложно не знать председателя Сената Финляндии, которому Ленин, не имея на то никаких прав и полномочий, лично вручил акт о признании независимости Финляндии. Остальные имена, за редчайшим исключением, не говорили мне решительно ни о чём!

«— Надо было сразу в Турку ехать, — мрачно думал я, толкаясь среди финнов, — или сразу с поезда на любое судёнышко, идущее в Данию. Но нет, отдохнуть решил! Отдохнул...»

Соседство взбудораженных людей, которых я понимаю я пятого на десятое, то ещё удовольствие... Дело даже не в том, что пахнут они отнюдь не розами, на Сухаревке бывала всякая публика, подчас куда как более трущобная в сравнении с местным пролетариатом. Недаром я старался стричься коротко, ибо вошки...

Проблема в том, что я чужак, веналайнен! К России и русским, как я уже успел убедиться, в Финляндии относятся враждебно, что не ново...

... но вот сейчас — можно! За мной, за любым из русских, не стоит сейчас мощь государства, а законы по отношению к нам действуют не в полной мере!

Вот решит сейчас кто-то из представителей финского пролетариата выместить своё раздражение и испуг на мне, и...

... что? А ничего... им ничего, а мне — да что угодно, и никакое оружие не поможет! Останется только утереться, и быть может — буквально.

Некоторое время колеблюсь, подстёгиваемый желанием уйти в номер и забаррикадироваться там до утра, а дальше — видно будет! Но потом вспоминаю горничную, с её особым отношением к «рюсся», и этот план уже не кажется мне хоть сколько-нибудь умным. Зато...

... перевожу взгляд на датчан, шведов и прочий интернационал, который — вольно или невольно, слегка отделился от массы финнов.

— А ведь мы чужаки, — негромко говорю черноволосому Хенрику, и достаю кисет. Дан охотно ухватил табака на халяву, следом подтянулся Оскар-панда...

... и мои слова упали на благодатную почву.

Сначала от финнов дистанцировались мы трое, а потом, по мере того, как аборигены начали заводиться всё больше, весьма живо обсуждая местную политику и то, кого нужно повесить, а кого расстрелять, фонтанируя кровожадными идеями о Всеобщем Счастье Страны Суоми, постояльцы гостиницы поделились на два лагеря. Не резко, нет...

Но в итоге «они» остались в крохотном холле, переместившись частично наружу и шастая туда-сюда, хлопая дверьми и пуская морозный воздух, выпуская взамен спертый, пополам с табачным дымом и алкогольными парами, а «мы» поднялись наверх. Не то чтобы мы разом сплотились, но большая часть остановившихся здесь иностранцев — моряки, которые по определению умеют встраиваться в коллектив, и притом любой, независимо от степени интернациональности и паскудности этого самого коллектива и встраивающейся личности.

«— Три часа ночи» — отмечаю я «для истории», вытащив те самые, помятые и памятные «Сухарёвские» часы, ставшие для меня в этой жизни первыми. Спать никто не собирается, да и как тут уснёшь?! Стрельба хоть и сильно отдалилась, но стала заметно гуще, а вдобавок где-то вовсе уж вдали забухали орудия, и как бы не корабельные!

Устроились мы на втором этаже, заняв узкий коридор ближе к туалету, и несколько номеров, в которых настезь распахнули двери, а в парочке и окна для проветривания. Разом все закурили, загалдели, начали обсуждать ситуацию в меру своего понимания.

Я сижу на полу, подогнув под себя ногу и прислонившись спиной к обшитой досками стене. В руке, чтобы не выделяться, тлеет папироса, и время от времени я затягиваюсь, чтобы она не погасла.

– ... чёровы финны, – бурчит грузный, одышливый сосед слева, как я уже знаю – механик на каком-то мелком шведском транспортнике, – всё-то у них не как у людей!

– ... а я тебе говорю, они все жида! – в маленьких свиних глазках эксперта напротив – ноль готовности к диалогу, но святая уверенность в своей правоте, подтверждённая габаритами племенного быка, – Все!

С экспертом, в силу его внушительных габаритов не спорят. А нет... не только поэтому!

– Жида, – закивали просвещённые европейцы, – всё так и есть!

– Христа распяли, – подвинул кто-то православно, – Спасителя нашего!

В руку мне ткнулась липкая бутылка с каким-то пойлом, машинально беру и оглядываюсь.

– Глотни чутка, – щерится беззубо механик, доброжелательный и почти святой, как Мать Тереза, – добрая аквавита! Х-ха!

Выдох его заканчивается благородной отрыжкой, наполненной парами аквавиты, копчёной селёдки и табака, ну и больных, отродясь нечищенных зубов, но к запахам такого рода я давно привык.

Киваю... задержав дыхание, и приставив горлышко к губам, смачиваю губы, для видимости дёргая кадыком и стараясь не думать, что там в бутылке, и кто её касался губами. Сифилис, в том числе и бытовой – бич современного мира... а лечат ртутью⁴, бывает даже – успешно. А ещё туберкулёз...

– ... чёровы русские! – врезается в череп дребезжащий баритон, – Поднялись на бунт сами, так какого чёрта...

Передаю бутылку назад, и механик, сделав пару жадных глотков, глубоко затягивается, как бы закусывая горючую жидкость, и передаёт бутылку дальше. Я слушаю про экспорт Мировой Революции, и к слову, народ высказывает в том числе и здравые мысли по этому поводу. Хотя бреда, разумеется, значительно больше...

– ... а я тебе точно скажу – вся эта Мировая Революция – жидами и для жидов выдуманна! – «Панда» уже окосел на старых дрожжах и насаждает на свинообразного «эксперта», – Кто, как не они...

Эксперт, которому мой новый приятель зеркалит его же собственные мысли, кивает и кажется, считает «Панду» за отличного парня!

– ... а я тебе – с крестей! – в одном из номеров играют в карты, поставив узкие кровати «на попу» и рассевшись на полу. Дыма там – столбом! Все пыхают так, будто задались целью поскорее потратить запасы имеющегося при себе табака.

– Мальчики, – пожилая прелестница, потрёпанная жизнью и тысячами херов, выглянула из номера по соседству, держась за дверь, чтобы не упасть, и глядя на нас косящими в разные стороны глазами, – кто хочет развлечься? Недорого?

Голос пропитой, хриплый. В качестве рекламной акции блядь вытащила из сорочки длинную грудь с крупным, обвисшим соском, и пожатала её с улыбкой, которую сама, по-видимому, считала эротичной. Мягкие губы с размазанной помадой, раздвинулись приветливо, показывая сперва недостаток окрашенных красным зубов, а чуть позже – язык с жёлтым налётом и немалые таланты к оральному сексу.

– О, фрекен! – шумно возрадовался один из моряков, отважно воздеваясь на ноги и отправляясь к ней штормовой походкой, – Вы... ик... прекрасны как утренняя роса, я... ик... мужественен и могуч, так почему бы нам... ик... не поебаться?

Прелестница жеманно захихикала и утянула могучего и мужественного моряка в номер. Поскольку дверь они не закрыли, вскоре мы все имели удовольствие слышать донельзя фаль-

⁴ Как мне любезно напомнил один из читателей, не только ртутью. К тому времени уже придумали Сальварсан (на основе мышьяка), передовое для того времени лекарство, хотя и с массой побочных эффектов.

шивые стоны проститутки, а несколько минут спустя – победительный рык любителя подвядших прелестей.

К этому времени у дверей уже выстроилась очередь, в которой самые нетерпеливые заглядывали внутрь, комментируя увиденное и теребя через штаны первичные мужские признаки.

– ... ух, как она его ногами обхватила! Горячая штучка!

В руку мне снова утыкается бутылка, но кажется, уже другая. Спрятав горлышко в кулаке, дёргаю кадыком и передаю её дальше. Кстати...

– Турецкий! – объявляю громко, – Угощайтесь, братья!

«Братья» ответили радостным рёвом, запуская в кисет загребушие лапы, и через несколько минут вернули почти пустым.

«– Вовремя, – холодно отмечаю я, растягивая губы в приветливой улыбке, – чуть раньше, и моё предложение прозвучало бы подхалимски, чуть позже – уже не заметили бы, и забыли через пять минут».

Это странно, но ситуация, в которую я попал, будто встряхнула меня, ставя мозги на место. Появилось не просто желание жить, а вкус к жизни. Здесь и сейчас, сидя на полу и передавая бутылку по кругу, я чётко осознавал, что именно такие мгновения годы и десятилетия спустя, на склоне маразма, и будут вспоминаться как самое...

... нет, не лучшее, но яркое и выпуклое. Здесь и сейчас я живу!

– А я те г-варю... – отвлёкшись от своих мыслей, перевожу взгляд ссору, чувствуя себя естествоиспытателем в зоопарке. В желудке плещется толика алкоголя, в руке очередная самокрутка, которую я не курю, а в голове рефреном крутится «Эх, одна живём!»

– Нет, ты послушай...

Ссора пьяных не всегда интересна, особенно когда она происходит рядом, и последствия ссоры можно нечаянно ощутить на себе. Прислушиваюсь... кажется, спор по поводу очередности... хм, опыления. Да, так оно и есть!

– Вдвоём идите, – советую неожиданно для самого себя, или вернее – советует алкоголь во мне.

Престарелая блядь, захихикав, назвала меня «пошлым мальчиком», но ссора была решена.

– Что? – пожимаю плечами, отвечая на безмолвный укор механика, считающего себя добрым христианином, – Свен, эти два дурня сейчас бы подрались! Будь это обычный выходной, так и Бог с ними, а сейчас...

Качаю головой, и мой резон находит понимание...

... а ждущие своей очереди моряки – новый для себя опыт.

Какой же здесь, оказывается, невинный мир...

– Утром всё так или иначе решится, – озвучил один из моряков витающую в воздухе мысль, – надо ждать.

... и мы ждём.

Народ – в основном с оптимизмом, будто надеясь, что все неприятности рассеются с первыми лучами солнца, как дым. А я...

... всем седалищным нервом ощущаю, что снова вляпался в приключения! Хотя они, собственно, и не заканчивались...

К утру, беспрестанно накручивая себя и вынуждая к актёрской игре, я измотался совершенно, чувствуя себя на грани срыва. Во рту кислая горечь от табака, сердце часто бухает, а мышцы и суставы ноют так, будто я всю неделю упражнялся в ремесле грузчика, ночуя при том где-нибудь на бетонном полу.

Невольные мои товарищи, напротив, в большинстве своём успокоились и свято уверены, что всё обойдётся, и скоро можно будет посмеяться над ночными страхами. Несколько человек, опаздывая на свои суда, засобирались в порт, не дожидаясь скорого рассвета.

– ... чёрта с два я здесь лишнего останусь, – укладывая немногочисленные матросские пожитки, громогласно басит Олаф, сухопарый норвег, длиннорукий и длинноногий, вымахавший под самую притолоку и уж явно повыше двух метров, но при этом он гармоничен, красив, ловок и отменно подвижен, – чертовы финны со своей...

Он длинно и изобретательно ругается, связывая воедино морскую терминологию, Священное Писание, химерологическое происхождение финнов и генеалогию большевиков, так что в конце моряки одобрительно загоготали и начали предлагать свои варианты, подчас более чем причудливые.

«– До толерантности ещё очень далеко», – спокойно констатирую я, растягивая губы в одобрительной улыбке. Это даже не национализм, а скорее нацизм, притом неприкрытый, не отшлифованный, в его первозданном виде. Никто... ладно, почти никто не видит в этом ничего дурного, воспринимая расизм как норму.

С точки зрения Олафа и большинства собравшихся, представителей несомненной высшей расы, есть они, потомки асов и завоевателей мира, и есть все остальные...

... то есть ниггеры с монголами и жидами, которые по определению являются недочеловеками. А разные полячишки, ирлашки, славяне и финны – тоже люди, просто второго сорта. По определению.

В короткой речи Олафа, причудливо мешаются Асы, Ваны, Священное Писание, мнение приходского священника и отца, Дарвин и Ницше, давая на выходе тухлый фарш нацизма.

При этом Олаф знает, что я русский и дружески хлопает меня по плечу во время своего монолога, толи показывая тем самым, что я в его глазах выделяюсь из массы грязных славян, толи считая славян хотя и безусловно ниже себя, но всё же людьми, с которыми можно иметь дело. А может быть, я «хороший русский»?

Олафа легко представить на мостике драккара, в мантии судьи или во главе собственного бизнеса, но он, этот сверхчеловек, этот полубог, среди простых смертных... Но разумеется, это только здесь, на Землях Асов, среди прочих потомков богов и титанов! А если вдруг (не приведи Один!) ему придётся переехать куда-нибудь в Польшу, то он, как сверхчеловек, сразу займёт там подобающее ему место!

... аж скулы сводит.

Рукоять «Браунинга» в накинута на плечи пальто дружески тычется в бок, и очень хочется вытащить его и познакомиться со сверхчеловеком, но... молчу. Сколько ещё такого будет, даже представить сложно... но точно – будет!

– ... и всякая там чухна не будет диктовать викинг... – продолжает свой монолог Олаф, спускаясь вниз по лестнице с несколькими единомышленниками. Слова «чухна», кстати, норвег произносит на русском, он вообще способный к языкам, хотя и несколько... хм, однобоко.

За ними, старательно топоча ногами, потянулись и остальные – провожать. За эти несколько часов «мы» о «они» уже успели поцапаться по самым ничтожным поводам, срывая друг на друга испуг.

То кто-то из «нас» выходил на улицу, вслушиваясь в ночь, и натываясь на финнов. То финны, добрая половина которых снимает номера наверху, пробирались мимо нас по тесному коридору к себе в номер или в туалет.

До драки не дошло, но искрит, чёрт подери! Так искрит, что рвануть может в любой момент. А межэтнические столкновения во время кризиса, это ж основа основ!

– ... жидовская всякая сволочь воду мутит! – одышливо ругается механик, идя вниз по скрипящим ступенькам и не думая даже понижать голос.

– А чего от финнов ожидать? – оборачиваясь на узкой лестнице и создавая ненадолго затор, живо отзывается Панда и отпускает несколько солёных «национальных» шуточек, к которым я хотя и привык...

... но как же он, сука, не вовремя! Слышно же!

Финны внизу замолкают...

... замолкаем и мы. Слышен только скрип полов и тяжёлое дыхание. Всё будто перед дракой... а нас почти в два раза меньше, и это не детские гимназические драки, в которых редко заходит дальше сломанных рёбер и носов.

Перед нами портовые и железнодорожные рабочие – взрослые, матёрые мужики из низов общества, многие из которых прошли войну. Для них поножовщина – обыденность, а профсоюзная борьба за свои права означает стычки с полицией и штрейкбрехерами, после которых десятки людей оказываются в госпиталях, а нередко и на кладбище.

«– Дело пахнет погромом» – деловито сообщил внутренний голос, обзаведшийся по такому случаю еврейским акцентом.

Вон, здоровенный парняга, как две капли похожий на Вилли Хаапасало, разминает шею, не отрывая взгляда от Олафа, и на простоватом лице его прямо-таки написано желание «втащить» чужаку. Коренастый, белесый докер с широкими скулами и явной примесью лапландской крови, хрустит кулаками и смотрит на меня, на рюсся...

... обошлось. По крайней мере – пока. Позже, вероятнее всего будет ох как весело! Особенно русским... веналайнен... рюсся...

На улицу, застёгивая пальто, я вывалился с облегчением – лучший бой тот, который не случился. Было за что драться, и то сто раз подумал бы...

... мельком успеваю заметить, что глаза у финнов нехорошие. Мы не переиграли их, не передавили взглядами. Они просто ждут... чего-то. Отмашки, наверное! Когда точно будет ясно, что – можно! Вот тогда они всё припомнят... всем... и не факт, что именно нам. Просто – припомнят. С процентами.

– Красная сволочь! – один из моряков оставляет за собой последнее слово, захлопывая дверь с видом победителя. Хельсинки действительно «красный» город, равно как и почти все крупные города Финляндии. Не большевистский, нет... ну да какая к чёрту разница! Левые эсеры, анархисты и прочие – одна сволочь⁵! Но ах как зря он это сказал...

Воздух на улице сырой, невкусный, пахнувший железнодорожными мастерскими, портом и дымом недалёких пожаров. Но после табачного угара не могу надышаться, и дышу чуть ли не до боли в лёгких, насквозь пропитавшихся табачным дымом.

Под ногами мокрый снег, грязный, многожды перемешанный сапогами и ботинками, с промоинами воды, в которой плавают островки рыхлого льда. Скользко, сыро, ветрено. На улице горит единственный тусклый фонарь, но кое-где светятся окна, и в общем, ориентироваться можно.

Олаф с товарищами, оскальзываясь, уходя вдаль, не оглядываясь. Несколько десятков метров, и они скрылись из вида.

Гулко ухают пушки, следом слышно пулемётное стакатто, трещат выстрелы из винтовок, что-то рвётся вдали, и снова слышны выстрелы артиллерии.

– Корабельные, – закуривая, со знанием дела говорит один из моряков, прислушиваясь к звукам редкой канонады, – шестидюймовая ухнула!

– Русский Флот, – согласно кивает механик, и остальные соглашаются с ним. Да собственно, больше и некому... а у меня аж зубы сводит. Как всё это не вовремя!

⁵ Напоминаю, что ГГ не автор, и что у ГГ, помимо недавнего противостояния с красными, говорит испуг, отсюда и эта злоба.

Во время Февральской Революции матросики в Хельсинки-Гельсингфорсе поддались революционному угару и левацкой пропаганде, и изрядно сократили количество офицеров на кораблях. Цифры называют разные, да и интерпретация события отличается порой диаметрально.

Одни увидели в этом происки вражеских разведок и в подтверждение своей версии ссылаются на опыт Французской Революции, когда британские агенты руками местной сволочи изрядно ослабили французский флот. Сперва – убив лучших офицеров, а после – устроив гонения аристократии, которой среди флотских всегда было полно.

Другие говорят, что морские офицеры, которых озверевшая матросня сбрасывал с кораблей на лёд, топила в полыньях и вешала на реях, вполне заслужила своей участи. Дескать, остальных-то не тронули! Нормальных.

А убивали, дескать, только «дантистов» и любителей закручивать уставные гайки, подводя служивого человека под трибунал за всякую мелочь. Ну и интендантскую сволочь, их-то всегда есть за что!

Чёрт его знает... Но верно то, что насытившись крови, матросы вернулись на корабли, где и сохраняли какое-никакое, а подобие нейтралитета, неся донельзя странную службу и не вмешиваясь в дела Княжества Финляндского, отныне независимого государства.

Большевики, меньшевики, социал-демократы... но более всего – обычные анархисты, признавшие власть Петрограда ровно в той степени, в какой она их устраивала. А теперь, значит, вмешались в Гражданскую Войну чужой страны...

– Как всё это не вовремя! – непроизвольно вырывается у меня вслух.

– Если начала бить корабельная артиллерия русских, – постоянно затягиваясь, начинает грузный механик с именем Петер Ульрих.

... а у меня закладывает уши от подавляемой ярости. Русские! Снова русские! Не красные! Не взбунтовавшиеся матросы-анархисты! Русские! Притом наверняка, зная сущность анархизма, в боях принимают участие далеко не все, возможно даже – меньшая часть.

«– А отвечать за это, как всегда, будет народ... Весь, – бьётся у меня в голове, – И никому, ни в какие времена, не будет интересно, как всё обстояло на самом деле!»

Тем временем на горизонте начало всходить солнце, и небо окрасилось в цвет сырого мяса. Ветер принёс химический запах гари, и снова донёсся звук пушечных залпов.

– Уходить надо, пока не поздно, – постановил Петер Ульрих. Я думаю иначе... но какого чёрта?!

Остаться здесь, одному, с горничной с лошадиной физиономией и тем широкоскулым, с примесью лапландской крови, может быть опасней, чем уходить в рассвет в воющий город!

Забегав наверх, быстро одеваюсь и подхватываю чемодан на спину, приспособивая его парусиновыми лямками. Получается какое-то подобие рамочного рюкзака, притом даже вполне сносное. В левую саквояж, правая в кармане, сжимает «Браунинг» и бегом-бегом-бегом вниз по лестнице!

К чёрту Финляндию! К чёрту всё! Это ещё не настоящая Европа!

Глава 2 Рюсся, чухна и Весёлые старты

– Рюсся... – скалит крупные, лошадиные, отродясь нечищенные зубы скуластый финн с лапландской кровью, привалившись к входной двери. Нехорошо щерится, ножичком финским поигрывает, а вокруг – рожи. Финские, что характерно. Недружелюбные.

А у меня спину оттягивает чемодан, и дружественных рож вокруг – нет, все на улице, ждут. Надеюсь...

Быстро прогоняю ситуацию в голове: сбросить чемодан, выхватить «Браунинг»... нет, не успеваю ничего! Не помню точных цифр, но на расстоянии до трёх метров нож эффективней пистолета. Быстрее.

Ни-че-го... бьётся в висках, и все остальные мысли пропадают, остаётся только угрюмая решимость умереть не в одиночестве, а захватив с собой как можно больше финнов. Успею... и наверное, даже не одного.

В левый рукав проваливается нож, тычась рукоятью в ладонь. Правая готова разжаться, отпустить саквояж и... сколько ни успею, а все – мои!

– Рюсся, – снова скалит зубы финн.

– Чухна, – скалю зубы в ответ, и мне, чёрт подери, смешно! Губы сами раздвигаются в улыбке – той самой, на зависть всем гаргульям с собора Парижской Богоматери. Меня сейчас будут убивать, это же так смешно! Играем в гляделки... я вижу его зрачки, прожилки глаз, время замедляется...

Меня обступили тесней, слышу смешки, разговоры на финском, а потом внезапно...

– Веналайнен... – склонил голову скуластый страж Врат, отступая в сторону. Он не боится, нет... это что-то другое. Уважение к сильному противнику? Не знаю...

Вышел, и как меня бросило в пот! Разом, будто в одежде сунулся в сауну и задержался там. Литр через поры выступил, не меньше.

– Ну? Всё? – нетерпеливо сказал Петер Ульрих, притоптывая ногой, – Пошли!

Пошли быстро, без лишних разговоров. Только механик ещё раз обернулся и смерил меня задумчивым взглядом, но смолчал.

– Давайте через переулок... – изредка командует кто-то из моряков, и мы лезем через какие-то закоулки, оскальзываемся на возвышенностях и влезаем в лужи, таящиеся под рыхлым снегом. Под ногами то снег, то сплошная вода, то чёрные пятна грязи с буро-жёлтыми прожилками прошлогодней травы, но хуже всего – грязная, мокрая брусчатка, скользкая неимоверно.

– Якорь мне в жопу! – тихо, но очень эмоционально ругается Панда, упав задницей в лужу со всего размаху. Смеёмся тихонечко...

– Тихо! – почти тут же приказывает Эрик, боцман с «Кашалота». Как вкопанные... слышится приближающаяся стрельба.

– Назад, – командует Петер Ульрих.

... но мы не успеваем.

– Стоять! – и лязг взводимых затворов, от которых холодеет душа, – Кто такие?!

Финны. Мужчины средних лет в гражданской одежде, небритые и самые что ни на есть обычные. Разве что основательные такие, увесистые. Не буквально, а так... видно, что люди, уважающие себя.

Вооружены разнообразно, но серьёзно – тут и винтовка «Маузера» со снайперским прицелом, и трёхствольное охотничье ружьё с внушающим почтение калибром. На рукавах белые повязки, уже легче...

– Моряк... – на финском отвечает Петер Ульрих, а дальше я понимаю через пятое на десятое, – Гражданские... домой... идти...

– Ступайте! – коротко приказывает старший из белоповязочников, шевельнув дулом ружья, – Да осторожней там! Снаряд, он гражданства не разбирает.

Эрик, до того державшийся напряжённо, переглянулся с несколькими товарищами-шведами и заговорил сперва на финском, и почти тут же перескочил на шведский, который я понимаю достаточно хорошо...

... и понимаю, что наши пути расходятся. Нюансы не улавливаю, но это какой-то шведский центр чего-то там... и принимают, что характерно, только шведов. Взмах рукой, скупые кивки... и они пошли своей дорогой, ну а мы, не-шведы – своей. Семь человек.

Настроение слегка подтухло, хотя винить шведов я не могу... Да и в чём?!

Короткая перебежка через широкую улицу, и как же, зараза такая, мешает принайтованный за спиной чемодан! Чемодан, саквояж, ледяная грязь под ногами, кроваво-тухлый рассвет, пробивающийся через грязно-серые облака и дым многочисленных пожаров...

... а ещё стрельба. Снаряды стали рваться на улице, оставляя глубокие воронки и разрушая при попадании целые дома. Сердце колотится, дыхание давным-давно запалённое...

Бегом... упасть в воронку, переждать. Рядом тяжело дышит Петер, лицо у него багровое, предынсультное. А я, ещё не отошедший толком от простуды, немногим лучше. Да ещё чемодан...

Гулко бахают взрывы, слышны пулемётные очереди, потом взрыв... Затишье.

Киваю механику и встаю, подавая тому руку и помогая подняться. Вместе вылезаем из ямы, и ноги, чёрт подери, подгибаются! А ещё я ни черта не могу понять, где же мы находимся?! Вчера попытался привязаться к карте, и вроде как получилось, но после...

После были закоулки и проулки, пробежки по железнодорожным путям, воронки и разрушенные дома, изменившие облик города. Могу только догадываться, да и то – примерно!

Обстрел прекратился, и мы припустили со всех ног. Выбрались...

– ... стоять! Стоять, суки! Ну! – и лязг взводимых затворов. Не сразу понимаю, что сперва приказали на русском.

– Кто такие? – фу ты, ну ты... бескозырка, расстёгнутый ворот... и взгляд человека, привыкшего убивать. Зрачки огромные⁶, шрамированная щека дёргается, и ах, как ему хочется нажать на курок или ткнуть штыком в живое⁷... А за ним шестеро товарищей, и все, что характерно – с винтовками!

– Моряки! – мешая морской балтийский жаргон с дрянным английским, быстро отвечает Петер Ульрих, и едва заметно запнувшись, добавляет:

– Датчане!

– Федулов! Ну-ка, братка, обыщи их, – не то приказывает, не то просит шрамированный. Чёрт их знает, как там у анархистов с приказами... или кто они там?

– Ну-ка... – один из моряков, отдав винтовку товарищу, опершемся на них, как на костыли, как-то очень ловко зашарил по карманам Густава, красивого и щеголеватого парня, одетого с претензий на шик. В понимании выходца из низов, разумеется.

Р-раз... и серебряные часы меняют хозяина, а ещё один р-революционный матрос, отставив винтовку по примеру товарища, обшаривает механика. Я ставлю на землю саквояж и снимаю чемодан, поводя плечами... как же я устал!

– ... жирные караси! – слышу возбуждённый говорок одного из моряков, – Ваня, ей-ей, да не убудет с них!

⁶ Признаки употребления кокаина.

⁷ Напоминаю, что автор разделяет себя и ГГ, и что наркотики, бессмысленная жестокость и всплывающая на поверхность человеческая пена, это признаки ЛЮБОЙ Гражданской войны. С ЛЮБОЙ стороны.

– Да отдай же ты, чёрт... – ткнув механика под ложечку, он хватает того за руку, и вывернув кисть, пытается содрать массивное обручальное кольцо, намертво приросшее к толстому пальцу, – ишь, жадоба какой!

Не все революционные матросы согласны с экспроприацией ценностей их чужих карманов, но...

– Да какие они моряки! – напоказ горячится Федулов, сдирая кольцо, – Буржуи! Как есть, буржуи замаскировавшиеся!

– ... прекратить! – слышу издали, и вижу торопливо приближающуюся фигуру в длинном кожаном плаще, – Товарищи матросы, проявите революционную сознательность...

– Ряба? Ты? – спотыкается комиссар на полуфразе.

– ... гнида! – с силой тычет один из матросиков наганом в грудь Панде, – Я тебя...

... а тот, так и не протрезвевший, толкает революционного матроса в грудь в ответ и...

... выстрел! Наверное, случайный...

Но уже вздёргивается к обтянутому бушлатом плечу «Мосинка» с примкнутым штыком, и события ускоряются многократно!

Тычется в ладонь деревянная рукоять финского ножа, миг...

... и комиссарское горло прочерчивает узкая красная полоса! До шейных позвонков.

А я уже делаю шаг вперёд, и подбив рукой винтовку вверх, вбиваю лезвие ножа в глазницу усатому, зверски ощерившемуся матросу, и...

Время, время!

... пытаюсь подсечкой уронить третьего, но не удержавшись, падаю вместе с ним. Но я мягко, а тот – бревном на брусчатку!

Ещё в падении успеваю заметить, как Ульрих Петер, повалив Федулова, ещё недавно выворачивавшего ему руку, вбивает его голову в брусчатку мостовой. Раз, другой...

В падении, извернувшись самым немыслимым образом, ухожу от длинного, неумелого штыкового укола. Не учат моряков штыковому бою, и хорошо, что не учат!

Тут же, оттолкнувшись ногой от всё ещё бьющегося в агонии комиссара, не вставая, проскальзываю матросу с винтовкой между ног и режу внутреннюю поверхность бедра. Раз, другой... а потом вбиваю нож в пах!

Вскакиваю...

... и всё уже закончилось. Закончились. Мертвы революционные матросы, затихают предсмертные судороги лежащего в луже крови комиссара...

Панда мёртв, такой ещё недавно смешной... Мёртв и Петер Ульрих. Один из датчан зажимает раненый бок. Я в кровище, и выгляжу, наверное, натурально – Дракулой! Чемодан на спину, саквояж в руку.

Но уже гремит...

– Стоять, суки!

... и стреляют на бегу товарищи убитых нами матросов. Пока – мимо.

Бегом, бегом, бегом...

Бегу из последних сил, ноги натурально подкашиваются, а дыхалка, сорванная короткой, но ожесточённой схваткой, отказывается нормально работать. Дышу сипло, запалено... и не черта не получается дышать по правилам! Рот пересох, пузырятся сопли, а чужая кровь, которой до чёрта попало мне на лицо, да и не только на него, начала шелушиться и стягивать кожу.

– ... мы вас, сук... – доносится сзади прерывистое и яростное, – на ремни...

– Долго... умирать будете!

Выстрелы, выстрелы... стреляют на бегу, и пока – мимо! Пробегая мимо чудом сохранившейся зеркальной витрины, успеваю заметить краем глаза, как один из преследователей, закусив зубами ленточки бескозырки, встал на колени, вскидывая винтовку к плечу.

Резко шарахаюсь в сторону! Звучит выстрел... Шарахаюсь в другую...

... выстрел и мат! Мимо! Но расстояние чуть сократилось...

Ноги дрожат, норовят согнуться, и больше всего хочется – упасть! Плевать уже, что убьют. Нельзя так, невозможно просто! Кажется, будто вся жизнь – бег, запалённое дыхание, выскакивающее из груди сердце и подкашивающиеся ноги, которые от усталости сводит злая судорога.

– ... на кол! – доносится яростное и прерывистое! – За Сашку!

... и сразу находятся силы бежать! Эти не просто убьют, они до-олго могут убивать. Они уже попробовали человеческой крови, когда забивали до смерти, стреляли, сбрасывали на лёд и топили ненавистных офицеров. Да поверх этого – идеология «Режь буржуев!», кокаин и месть за убитых товарищей. Нельзя к ним попадать живым... нельзя!

Воздух уже не хватаю ртом, а натурально кусаю! Он твёрдый, холодный, колючий и проваливается в лёгкие, острыми гранями раздирая их в кровь. Больно дышать...

– Х-ха... – вырывается у меня, когда под дрогнувшую ногу попадает кусочек льда, и я черепахой валюсь на спину! Барахтаюсь томительные секунды, хватаю воздух руками, но ухитряюсь воздеть себя на ноги, и снова начинаю бежать.

Тяжёлый чемодан чертовски мешает, и я думаю, как бы половчее сбросить его на хрен... Но нет. Вот так, на бегу, его точно не сбросишь, а нож остался в паху того матроса.

«– Вот почему на кол...» – мелькает в голове, и снова бег... снова падаю, и снова встаю. Выстрелы, выстрелы, выстрелы... пули толкают меня в спину, и каждый раз – смертный ужас, волосы дыбом! Но нет, спасает чемодан...

Предательски хрустит колено, и я начинаю припадать на левую ногу, но всё ещё не слишком отстаю от датчан, спины которых мелькают метрах в двадцати пяти впереди.

Взрыв! Между мной и датчанами впереди встаёт на дыбы земля, брусчатка, снег и грязная вода. Но я, двигаясь уже какими-то рывками, рвусь вперёд. Снаряд, если что, он сразу... Ну или по крайней мере – быстро!

Оскальзываюсь и падаю в неглубокую воронку, но выбираюсь почти тут же, успевая оглянуться. Отстали! Не сильно, но отстали!

Снова бег, выстрелы и толчки в спину. Впрочем, редко. Много чаще они цвиркают рядом, рикошетят от мостовой и стен домов.

Пулемётное стакатто... падаю, но ползу вперёд. Не в меня! Но и не в преследователей. Здесь свой праздник, и мы на нём лишние.

Ползком, потом на карачках, аки гордый лев, и снова на пузе, собирая в пальто, и далее, до голой кожи, всю хельсинскую грязь. Дышу через раз, с присвистом, но ползу, бреду и бегу вперёд. Глаза заливают то ли пот, то ли грязная вода... А чёрт его разберёт!

... но оторвался! Оторвались.

Не полезли революционные матросы под чужие пули. Видно, жить хотят больше, чем отомстить за товарищей.

– Догнал? – прерывисто выдохнул один из датчан, обернувшись на меня. А рожа... не вдруг и поймёшь, что этот клошар и щеголеватый чистюля Густав – один и тот же человек. Но... улыбается. Рад.

Может быть, не только мне, но и тому, что мы вообще оторвались, живы пока, и можно дышать, дышать, дышать...

Дальше пошли уже медленней, но всё ж таки не мешкая. Некогда! Прохожих на улицах почти нет, а те, что есть, то почти все вооружены или как мы – бегут куда-то и от кого-то. Кто есть кто, понять ни черта невозможно! Все спешат, пригибаются, прячутся друг от друга и боятся...

А ещё бы! В один день – Красный Мятеж и корабельные пушки по городу! Много ли надо обывателю? Даже если он некогда воевал, сидел в окопах и сходил в штыковых с неприятелем.

Ведь сейчас сражение идёт не где-то там в специально отведённых местах на линии фронта, где специально обученные, давшие присягу люди убивают друг друга во имя чужих интересов, а в мирном городе! Городе, где живут не только мужчины, способные носить оружие и (главное!) желающие это делать, но женщины, дети, старики.

Да не абстрактные старики, женщины и дети, а его, обывателя, родные, на которых падают тяжёлые снаряды корабельной артиллерии! А в родном городе обывателя – чужие люди с оружием в руках, решившие навести порядок так, как они его понимают.

– К стене, – хрипло сказал кто-то из впереди идущих датчан, – плотнее! Порт в той стороне, и значит, снаряды будут лететь на ту сторону улицы.

Прижимаемся... Плотно! Так плотно, как только можем, обтираясь грязной одеждой о дома и собирая побелку.

– Бегом! – командует красавчик Густав, явно ориентирующийся в Хельсинки лучше других, и мы бежим. Потом замираем, прячемся... и снова идём.

Время уже перевалило за полдень, когда мы чётко те какими путями вышли к порту, но притом как-то сильно сбоку. Какие-то пристроенные возле порта даже не складские помещения, а скорее большие сараи, донельзя кривые и напоминающие временки, построенные из Бог весть какой дряни, и наполненные, скорее всего, такой же дрянью.

Хорошо спрятанный, аккуратный пролом в стене, прикрытый старыми гвоздями досками. Мне, чтобы войти, пришлось снять чемодан, о котором я позабыл! Сказать кому... а вот получилось именно так!

Протискиваемся внутрь, тяну чемодан за лямки. Нет сил, чтобы просто идти, сплошные морально-волевые, а не мышцы, нервы и сухожилия. Нет их! Воплощённая Воля, тяга к жизни.

Внутри, на удивление, не слишком даже и темно, хотя не горит ни единой лампочки. Немногочисленные грязные окошки под потолком и многочисленные прорехи в крыше дают достаточно освещения. Помещение завалено ржавым хламом – так, что сам дьявол ногу сломит!

Старые станки, якоря, сваленные в кучу проржавевшие рельсы. Лабиринт! Но Густав ориентируется вполне уверенно, что значит – бывал. Ну... контрабанда по нынешним временам решительно осуждается Законом, но лояльно воспринимается людьми.

«– Надо бы сохранить контакты, – мелькает вялая мысль, – не помешает»

– Разведать надо, что там в порту, – выдыхает Густав, оббегая нас глазами. Встаю... и только потом осознаю, что вечное моё «Кто, если не я» в данном случае сработало не совсем к месту.

Остальные сидят, не в силах встать. Ну да... я-то пусть даже с чемоданом, пусть не отошедший толком после болезни, но всё же таки тренированный спортсмен. А моряки хотя и привычны к тяжёлому труду, но уж точно – не к таким пробежкам!

– Не спеши, – советует Густав, зябко поведя плечами, – след в след, как в лесу! Здесь в иных местах двинешься лишнее, так не то что загремит железо, а и засыпет к чертям!

Киваю молча, да и что тут скажешь? Всё понимаю... Густав, похлопав себя по карманам, вытащил было кисет с табаком, но передумав, положил обратно, скривив лицо.

– Потом... – сказал он сам себе.

Пошли по железному лабиринту – след в след, как велел датчанин. Местами здесь и действительно... разом накроет железная лавина! Хор-рошее место для тайников!

Далеко идти не пришлось. Густав, кошкой взобравшись наверх к одному из окошек по качающемуся под ногами металлу, показал пример, и через минуту мы осторожно выглядывали сверху, стараясь не прислоняться к грязному стеклу.

Не сказать, что внизу шатаются толпы вооружённого народа, но мелькают, и все, что характерно, с оружием! Выстрелы тоже слышны, хотя и редко. Ну да понятно... Против массы

вооружённых матросов, подкреплённых корабельными орудиями, гражданские не вытягивают при всём желании. Благо, стоянка военных судов достаточно далеко, и серьёзных сил красных здесь не должно быть по определению.

– Ночью пойдём, – тихо сказал датчанин, спустившись вниз.

– Ночью пойдём, – достав трубку и кисет, повторил он, когда мы вернулись к остальным, – Порт под красными, сейчас не стоит соваться. Пройти, может быть, и пройдем...

Он пожимает плечами и замолкает, раскуривая трубку и давая остальным самим оценить риски. Решаем переждать.

... а я только сейчас начал нормально дышать. Сразу ушли куда-то морально волевые, и пришла слабость, желание свернуться калачиком, а ещё – холод. Я же, оказывается, насквозь промокший!

Ругаясь на всех известных языках, берусь за чемодан, прислоненный к старому, наполовину разобранному станку, и...

... батюшки! Пулевых отверстий более полудюжины, а поверху – там, где была бы моя голова, изрядный кусок кожи располосован, не иначе как осколком! В образовавшуюся дыру вывалилось бельё, да торчит уголок учебника, будто обрубленный топором.

Холодно... быстро убираю лямки, расстёгиваю ремни, и вспоротое брюхо чемодана показывается моим глазам.

– Да чёрт... – вырывается у меня. Внутри – одни сплошны дыры, и мало того – некоторые из них обугленные! Не всерьёз, а так... Но одежда попорчена изрядно.

Впрочем, плевать! Есть сухое бельё, тёплые подштанники и даже свитер плотной норвежкой вязки, и я, не теряя времени даром, начинаю переодеваться, вытряхивая на пол пули. Выбрав сухое место, срываю сырую одежду и кидаю её на ржавый металл, чтобы хоть как-то просушить.

Дрожа всем телом, наскоро обтираюсь простреленными подштанниками и сорочками, приобретающими вид заслуженных половых тряпок. Ещё одна сорочка...

Но уже колотит дрожь, и я быстро одеваюсь, стоя босыми ногами на ворохе испорченного белья. Надеваю две пары шерстяных носков и снова вбиваю ноги в сырые ботинки. Ну нет запасных! Как нет и запасного пальто, отчего я одеваю на себя всё, что только возможно, и сам себе начинаю напоминать городского сумасшедшего.

Но сухо! А ещё – почти тепло, хотя дрожь никак не проходит, и это мне решительно не нравится! Состояние полуобморочное, хочется лечь и не вставать, болит горло и ломит не только мышцы, но и суставы, а голову начинает сжимать металлический обруч, предвестник грядущей мигрени.

Датчане тоже переодеваются, меняют носки и выжимают мокрую одежду – кому есть во что переодеться. Но они, в отличие от меня, не ползали по-пластунски и не падали так часто, отчего и не слишком промокли.

Ганс, рыжебородый здоровяк из Ютландии, движется медленно, как сонная муха, оберегая раненый бок, перемотанный чёрт те чем на скорую руку.

– Давай-ка я гляну, что там у тебя с раной, – предлагаю я, и не дожидаясь ответа, начинаю развязывать грязный, пропитанный кровью узел, – Присядь... Густав, кинь моё пальто на ту кучу досок! Садись.

Ганс покорен и вял, бледно и как-то безнадежно улыбается, усаживаясь на пальто.

– Соображаешь? – интересуется Олаф, ковыряя в носу грязным пальцем.

– Немного, – отвечаю рассеяно, рассматривая рану. Сама по себе она не опасная, пуля всего лишь прочертила длинную кровавую борозду аккуратно под нижними рёбрами. Если бы ютландцу сразу оказали первую помощь, то при должном уходе он забыл бы о ранении недельки через две. А сейчас...

– ... спиртное есть? – интересуюсь я, выбирая среди своих простреленных рубах те, что почище, – Рану промыть.

– Да и не только, – хрипит кто-то из датчан, и мне передают бутылку дешёвого, но крепкого картофельного пойла. Протираю алкоголем руки, затем осторожно промываю рану и как могу прочищаю её, и при этом действе Ганс уплывает в страну грёз и мечтаний, но что характерно – молча.

– Ну как? – кусая ус, оперевшись бедром о станину раскуроченного станка, спрашивает Густав.

– Так... – пожимаю плечами, продолжая перевязывать парня, – сами видите. Крови потерял много, да боюсь, как бы заражения не было.

Завздыхали, совместными усилиями привели ютландца в чувство, помогли ему одеться и сунули в руки фляжку с чем-то горячим и вкусно пахнущим, к которой Ганс и присосался, как к материнской груди. Вскоре он заулыбался, слегка порозовел и явно опьянел. Ну да много ли надо после такой потери крови?!

Мне тоже хочется вот нажраться и не думать ни о чём... Но пересилив себя, занялся разбором вещей, которых осталось удручающе мало.

– Трассирующими, сволочи, лупили, не иначе, – бурчу я, перебирая книги и рубахи, пришедшие в полную негодность. Мало того, что продырявлено, да ещё и будто обожжено!

Заодно, подобрав с пола пули и отряхнув, кидаю их себе в кисет, на память. Две от трёхлинейки, каким-то чудом не пробившие мой импровизированный щит, «Арисака», «Винчестер» и «Маузер» по одной. Сохраню, если получится, и что-то мне подсказывает, что с моим везением сувениров такого рода у меня может накопиться ох как много!

Перекладываю одежду, разглядывая дырки и морщась с всё сильнее. Если пуля прилетает в одежду, сложенную стопочкой, штопать там... много.

– Да какого чёрта... – обозлился я, – бегать с дырявым хламом под пулями!

Решительно отделяю продырявленную одежду и попорченные книги, более всего расстраиваясь именно последнему. С собой у меня учебники, как некий символ моего студенчества и нежелание тратить время впустую, и не то чтобы очень ценные, но всё ж таки далеко не дешёвые томики из последней букинистической партии, которую не удалось удачно пристроить.

Ну и разумеется – относительно недорогой хлам, призванный отвлекать таможенников и не копаться слишком уж тщательно в моём багаже. Впрочем, все эти Венеры, Психеи и Ганеши вполне ликвидны, так что...

– ... оставляю, – откладываю Ганеша и беру в руку маленькую Венеру, с округлой бронзовой задницей, повреждённой пулей, но всё-таки оставляю. По крайней мере, пока...

Пока я перебираю вещи, датчане, с вялым интересом поглядывая в мою сторону, устроились как могли удобно, и завели разговоры о недавнем, щедро мешая их с политикой, географией и ругательствами.

На свет Божий появился табак и алкоголь в немалых количествах, да и не только они, отчего я почувствовал некоторое облегчение, ибо чемоданный мой одиотизм не оказался чем-то из ряда вон! Никто не бросил свои пожитки, будто то матросский деревянный сундучок, чемодан или мешок с широкой лямкой через плечо.

«– Жадность и глупость интернациональны» – констатировал я, язвя самоё себя, увидев такие матросские ценности, как дешёвый картофельный алкоголь в товарных количествах, остро нуждающиеся в починке запасные ботинки и сапоги, грязное нижнее бельё, с полпуда мёрзлых яблок, мелких и кислых даже на вид, и купленный по дешёвке домотканый половичок. Утешить себя идиотизмом матросни, впрочем, не слишком-то удалось...

– Всё... – констатирую я результаты своих трудов, отряхивая руки и с немалым трудом вставая с корточек. Чемодан на выброс, а от всего немалого багажа остался только саквояж,

не самый большой узел с бельём, куда я завернул и ликвидные статуэтки, да туго перевязанная бечевой стопка книг, доходящая мне до середины бедра.

Расположившись кто где, в ожидании ночи ведём беседу ни о чём. Все слишком устали, отчего разговор выходит обрывистый, с перескоком с темы на тему. Ругают датского премьера, русского царя и всю Великокняжескую свору, финских политиков, большевиков и...

– ... не европейцы, – качает головой Густав, сосредоточенно набивая трубку. Он вздыхает и старательно огибает меня взглядом, что значит – не хочет обидеть, но считает своим долгом донести горькую правду, или вернее – то, что он считает правдой.

– Русские... – он затягивается и выпускает клуб дыма, – по своей сути азиаты. Не обижайся!

Он выставляет вперёд руки.

– Я не о... – защёлкав пальцами, Густав секунд тридцать подбирает слова, – Не о крови! Душа, понимаешь?

Киваю, что дескать, понимаю... и зеваю украдкой. Сколько раз я слушал это, даже приблизительно сосчитать не могу! Тогда ещё, в двадцать первом веке...

... и вот сейчас.

– ... народ, который любит кнут и не свергает тиранов, азиатский по своей сути, – разглагольствует он, – Не все! Я же вижу, что ты... ну, европеец по духу, да и наверное, по крови?

Киваю... а чего спорить? Приводить контраргументы и рассказывать, что демократия в Европе, изобретение не такое уж давнее, и что в Российской Империи восставших крестьян умирляли пушками, и что таких случаев было не десятки и даже не сотни, а тысячи...

... бессмысленно. Да и отчасти он прав... Отчасти! Здесь и сейчас «азиатчина» это синоним тьмы, невежества и отсталости. Вспомнить если, сколько в России грамотных, вспомнить «железный занавес», придуманный отнюдь не большевиками, «ловушку нищеты» и прочее, что перечислять можно бесконечно долго, то выходит, что... не так уж он и не прав⁸!

... но всё равно обидно.

Коротаем время, беседуя о разных разностях, едим мёрзлые яблоки и курим. Пить, кроме картофельной выпивки, решительно нечего.

Хотя вокруг много грязно-ржавых луж, терпим. Народ собрался бывалый и понимающий, что от такой воды ты может и не станешь козлёночком, но животом будешь маяться очень и очень всерьёз! Но не сказать, что мы так уж сильно мучаемся от жажды, погода очень сырая и влажность, по ощущениям, процентов этак под девяносто.

Ганса лихорадит. Меня не так чтобы сильно... но потряхивает. Простыл, и кажется – всерьёз. Всё никак не могу согреться, хотя одет достаточно тепло. В попытках не замёрзнуть окончательно, много хожу, делаю короткие частые разминки да провожу бой с тенью, неизменно выигрывая у последней.

Всё время поглядываем на часы и в окошки, когда же стемнеет... С наступлением сумерек все начали нетерпеливо поглядывать на Густава, но тот, хотя и тяготится вниманием, пытается балагурить и делать вид, что ничего не понимает и не замечает. Наконец, где-то через час, он выкурил трубку и выскользнул в темноту, отказавшись от моей помощи.

– ... вернусь, и в баню, – негромко говорит Олаф, просто чтобы говорить что-то.

– Да, – вяло улыбается Ганс, пытаюсь держаться бодрячком, – я тоже.

– Угум...

Говорим вовсе уж ни о чём, тяготясь тишиной и постоянно замолкая, вслушиваясь в темноту. Порт не спит никогда, да и на складе что-то шуршит, капает и лязгает, не переставая. Нервы на пределе...

⁸ Ещё раз напоминаю – НЕ НАДО ассоциировать ГГ и автора, это разные люди! ГГ состоялся в Европе и ментально он европеец, притом европеец двадцать первого века!

– Всё чисто, – коротко сообщает возникший из тьмы Густав, устало падая задом на полочек и подвигая сидящего на нём Свена. Подрагивающими руками он достал трубку и начал набивать, – Нас...

Затяжка.

– ... ишут, – сообщил он, и взгляды датчан скрестились на мне, но этим дело и ограничилось. Все прекрасно помнят, что нас тогда начали убивать...

– Всё, – докурив, Густав выколотил трубку и бережно спрятал её, – пора.

– Ты как? – поинтересовались мы с ним одновременно у Ганса.

– Дойду, – слабо улыбнулся тот, – не родился ещё тот стрелок, который меня убьёт.

Подхватили вещи и пошли за контрабандистом кружными путями, то и дело прижимаясь к стенам и замирая, приседая за штабелями досок, а то и возвращаясь назад. Кружили этак долго, и у меня от усталости начали на ходу закрываться глаза.

Но вот оно, обшарпанное судёнышко под флагом Аргентины, трап...

... а далее всё обыденно. Никакой стрельбы, бондианы и прочего, чего подсознательно ожидалось. Был матросский кубрик со спертым, сырым и изрядно вонючим воздухом, брошенные под койки вещи и елѐ тёплые, вялые струи душа, а потом – чистое, застиранное, многожды штопанное бельѐ не по размеру, сладкий некрепкий кофе с галетами, и сон...

... и никому до нас не было дела. Утром мы снялись с якоря и вышли в море.

Глава 3 Принцесса Грёза, агент реакции и петушок на палочке

– Ряба?

... и я наконец-то понял, что это сон, и что убитый мной Севка Марченко мне только снится, но...

... легче от этого не стало. Снова и снова, в разных вариациях – кожаный плащ, перерезанное горло...

– ... такая, скажу тебе, девка! Огонь! – слышу на грани сна и яви, усилием воли просыпаюсь, но встаю с узкой койки не сразу, пытаюсь сперва собраться воедино, из тысяч и тысяч кусочков паззла, рассыпанных между сном и явью. Чувствую себя препаршиво, и это тот самый случай, когда физическое состояние полностью гармонирует с душевным.

«– Не весь собрался, – мелькает на грани полусна, – какие-то кусочки меня остались там...»

А потом я просыпаюсь окончательно, и сон быстро выветривается из памяти. Остаётся только высокая фигура в кожаном плаще, перерезанное горло и...

«– Ряба?»

Севка... мы не то чтобы дружили, но всё ж таки почти приятельствовали, а потом наши пути разошлись, но при нечастых встречах общались вполне приятно. Притом, что оба мы придерживались левых взглядов, вышло так, как вышло. Я – умеренно-левый, а Севка... не уверен, что он был таким уж радикалом, скорее тот же выверт Судьбы, что и у меня.

До сих пор вспоминаю тот чёртов броневи́к и пулемётную очередь, прорезавшую студентов, собравшихся возле Университета. Пролившаяся кровь моих товарищей поставила точку на нежелании участвовать в Революции каким бы то ни было образом, и я, до того даже не думавший брать в руки винтовку, пошёл по кровавым следам и убивал, убивал...

Очень может быть, что у Севки был свой броневи́к, приведший его к революционным матросам Гельсингфорса, и что он (скорее всего!) был искренен в своём порыве прекратить чинимое матроснёй. Но нас уже убивали...

... а потом я убил Севку, который просто оказался ближе других и из-за своего чёртова комиссарского плаща показался самым опасным!

Всю жизнь помнить буду... до самой смерти. Кажется, себя уже помнить не буду, а Севку не получится забыть.

– ... вот такие, – слышу я, и отбросив одеяло, сажусь на койке, опустив вниз босые ноги и нащупывая стоящие в узком проходе ботинки. Потерев лицо руками, вбиваю босые ступни в обувь и иду в галюн, где уже образовалась нетерпеливая очередь.

К запахам и скажем так, некоторому скотству я уже притерпелся или вернее будет сказать – вернулся к истокам. Однако же это не значит, что я воспринимаю как должное длинную тухлую отрыжку, зевание во всю нечищеную пасть и прочие вещи, естественные для этого времени и среды.

Тем слаще будет вернуться к какому-то подобию цивилизации, где имеется нормальный ватерклозет, окружающие пахнут не застарелым потом, а одеколоном, а обсуждая женщин, не употребляют обценную лексику. По крайней мере – часто не употребляют.

Сделав свои дела, наскоро чищу зубы, умываюсь холодной, несколько затхлой водой и возвращаюсь в кубрик, где уже стоят клубы табачного дыма. По мере возможности делаю лёгкую зарядку, поворачивая в разные стороны корпусом и покрутив шеей. Затем одеваю высохшие за ночь постиранные носки, и иду есть, стараясь не зевать слишком уж широко.

Кормят на «Ольборге» сносно, и уж во всяком случае не хуже, чем во время срочной службы. Картошка во всех видах, тушеное мясо, солонина, рыба, овощи и дешёвый, дрянной, но крепкий и сладкий кофе. Сносно.

У меня ещё несколько обложено горло и заложен нос, так что всё кажется почти безвкусным, да и аппетита особого нет, ем через силу, потому что надо. Нет ни возможности, ни желания отлёживаться в постели, да и откровенно говоря, в таких условиях отлёживаться как-то и не тянет.

– ... придём домой, и я со своей Мартой неделю из кровати только пожрать и посрать вылезать буду! – лязгая ложкой о жестяные бока миски, заявляет лопоухий, совсем молоденький парнишка вряд ли старше меня, но уже женатый и имеющий ребёнка, – Нового делать будем!

– Мин – как клёцок! – эмоционально рассказывает кочегар, – не забывая торопливо жевать, – Четыре парохода уже на дно...

– ... стучит, говоришь? – озабоченно хмурится механик, забывая жевать и замерев с полуоткрытым ртом, – Озадачил ты меня! Послушать надо движок и...

– ... а я ему в рыло – на! – щурит густые брови Эрик, любитель кабацкого бокса и гордый обладатель трижды сломанного носа, – С одного удара!

– Во! – он демонстрирует соседям сбитые костяшки на увесистых, мосластых кулаках, – С такими лапами и кастета не надо!

– В трюм сегодня, – не переставая жевать, обращается ко мне боцман, – я тебе потом покажу, что делать надо.

Киваю молча, прикладываясь к полулитровой кружке с кофе. Свой проезд, дабы не вводить по искушение малых сих, отрабатываю в качестве трюмного матроса, занимаясь самой грязной и черновой работой. Гальюны мне, к слову, не доверяют, хотя я был внутренне готов. Но нет, здесь какая-никакая, но квалификация требуется! Вроде как...

Хотя подозреваю, дело не в отсутствующей квалификации говночиста и гальюнщика, а в красках расписанной расправе над революционными матросами и моей выразительной физиономии палача мафии.

В море мы уже больше недели, и если честно, это изрядно мне надоело. Я, понятное дело, не думал, что «Ольборг» отправится в Копенгаген из Хельсинки прямым ходом на предельных скоростях, но всё ж таки что-то такое, на уровне подсознания, наверное, таилось.

Но пароход пошёл по выверенному маршруту Таллинн-Рига-Готланд-Клайпеда-Данциг-Копенгаген, где я рискнул сойти на берег только на принадлежащий Швеции остров Готланд, не произведший на меня хоть сколько-нибудь яркого впечатления. В памяти остался только сильнейший сырой ветер, овцы, дрянное пойло в местном кабаке, да короткая драчка с британскими моряками, закончившаяся нашей безоговорочной победой и совместной попойкой, а поутру – совместным жесточайшим похмельем, от которого я отошёл только на следующий день.

В Латвии, Литве и Эстонии сходить на берег не стал. Там сейчас становление независимости, немецкий фрайкор и отдельные части Русской, уже не Императорской Армии, подчиняющиеся неведомо кому. А ещё символические подразделения британских и французских войск, ~~колоннальная~~ администрация стран-победительниц, какие-то параллельные правительства, большевики с эсерами, радикальные националисты и всякий мутный сброд.

Настолько всё интересно до оторопи, что среди «ссыкунов» (по терминологии ценителя кабацкого бокса), решивших не сходить на берег в Таллинне, оказалась почти четверть экипажа. Что характерно, в Риге и Клайпеде «ссыкунами» оказалось больше трети...

В Данциге, который по итогам войны остался Вольным Городом, но уже под юрисдикцией Польши, а не Пруссии, дела творятся ничуть не менее интересные. Польша, что законо-

мерно, пытается поднять власть, урезав автономию Вольному Городу, а Данциг (что не менее закономерно) пытается эту автономию сохранить.

Попутно идёт передел власти, денег и сфер влияния, вплоть до докерских профсоюзов и языка, на котором должно учить детишек в местных школах. Передел, как это обычно и бывает, идёт самыми грязными методами, и участвовать в нём в качестве статиста резона не вижу.

– ... вот здесь отскребай, – ожесточённо почёсывая мудя, наставляет боцман, коренастый и кривоногий морской волк, – но, смотри, поосторожней! Так-то крысы у нас опаску имеют, но если наткнёшься на гнездо с крысёнышами, то мамаша может и покусать!

Угукнув, взял орудия производства, оглядел фронт работ и...

... приступил. А что, собственно, мне ещё делать? Боцман некоторое время постоял рядом, кряхтя, сопя и обрывая себя на полуслове, и скорее всего – матерном. Потом, махнув рукой, он что-то пробубнил себе по нос и оставил меня наедине с крысами, грязью и матросскими суевериями.

На «Ольборге» ко мне относятся с некоторой опаской, как к взятому на передержку взрослому псу служебной породы с серьёзным характером. То есть выполняет зубастая увесистая тушка команды «к ноге» и «фу», и не рычит просто так на домочадцев, так и ладно!

Под ногами вода и грязь, очень сыро и тухло, судно скрипит всеми своими железными сочленениями, а волны лупят по корпусу так, что человек, вовсе несведущий в морском деле решил бы, что мы вот-вот пойдём на дно. А ещё крысы и совершенно никакое освещение, представленное несколькими эпилептично мигающими электрическими лампами и одной переносной керосинкой типа «Летучая Мышь», но в общем...

... сносно. Даже с поправкой на крыс, сырость и затхлый холод. Завтра около полудня мы прибудем в Копенгаген, и хотя ничего ещё не закончится, но...

... я увижу маму.

– Мрав? – боднув мою ногу одноухой башкой, басовито муркнул корабельный кот, заслуженный ветеран, покрытый шрамами, полученными в сражениях с превосходящими силами крысам, потрёпанный зимними штормами и нежно любимый экипажем.

– Мрав, – в тон отозвался я, нагибаясь, чтобы погладить заслуженного кота, выгибающегося под моей рукой. Несколько секунд, и крысолов, задрав хвост трубой и боднув меня головой напоследок, затерялся в корабельных надстройках. Попрощался...

– Ну ты это... давай! – жмёт руку Эрик, записавший меня в кореша после сломанного в четвёртый раз носа и нескольких уроках бокса, – Будет чо надо, ты того... всегда буду рад кулаки о всякие рожи размять. Тока намекни!

Киваю серьёзно, и хотя в глубине души очень надеюсь, что его помощь мне не понадобится никогда, но... зарекаться не буду. По Сухаревке помню, как причудливо могут ветвиться личные связи, и как много от них бывает пользы. Впрочем, и докуки.

– Ага...

– Увидимся.

– Матушке привет...

Прощаюсь со всеми, и подхватив поклажу, схожу на качающийся берег, где едко пахнет гниющими водорослями, рыбой, углём и железом.

Сейчас, после всех перипетий, выгляжу я не то чтобы представителем пролетариата, но всё ж таки нынешний образ далёк от желаемого. Не сказать, что меня это несказанно радует, но впрочем, всё поправимо!

Благо, одежда у меня после хельсинских весёлых стартов под пулями хотя и несколько поистрепалась, но всё ж таки видно, что изначально она была достаточно приличной, а вла-

делец оной хотя и переживает нелёгкие времена, но является выходцем из приличной семьи. Намётанный глаз такие вещи различает, что называется, «на раз», и дело не в стоимости одежды, ибо в ломбардах и у старьёвщиков можно найти вполне приличные вещи.

Ключевое здесь – подобрать не просто вещи, а именно что ансамбль, что дано не каждому, а ещё – в умении носить, как бы банально это не звучало. Даже мои узлы с книгами и бельём, связанные верёвкой и повешенные через плечо, как это носят деревенские бабы из простонародья, не портят картину.

«Ольборг» остановился чёрт те где, и я, несмотря на подробные инструкции боцмана и помощь докеров, изрядно поблудил по порту, прежде чем вышел в город.

– Ха... – опустив саквояж на грязный сырой асфальт, закрутил головой, переживая мучительное и радостное чувство узнавания. Прежде, давным-давно вперёд, я не один раз бывал в Дании, и хотя не могу сказать, что решительно ничего не изменилось, но всё ж таки, кажется, я могу ориентироваться в городе!

Настроение странным образом поползло вверх, и я пошёл, насвистывая что-то и улыбаясь разом всему миру. На голову начал сыпаться дождь, мелкий, как крупа манки, но это не испортило мне настроение. Дания! Всё как всегда... как обычно, только велосипедистов очень мало.

На трамвай я садился с чувством ребёнка, дорвавшегося до аттракциона. Пожилая матрона, поняв это по-своему, покосилась на меня выразительно, сделала морщинистые губы куриной жопкой и демонстративно отсела. Когда трамвай попадал на стыки рельс, или в окошко показывалось что-то, что я помню по двадцать первому веку, я непроизвольно улыбался и настроение, чёрт подери, стало совершенно замечательным!

Заехав чуть ли не в предместья, снял номер в дешёвом, но приличном отеле из тех, где обычно останавливаются фермеры, приезжающие в город по делам. По уровню цены и удобства он не слишком отличается от тех, что можно снять ближе к порту, но вот публика здесь совершенно другая!

За время плавания мне изрядно осточертели неизменные потрёпанные карты, ходящие по рукам порнографические открытки, анатомически подробные разговоры о женщинах, фантазии о собственных мужских способностях, клубы табачного дыма и завиральные морские байки, рассчитанные на неискушённого новичка. Всё это, разумеется, интересно, выпукло и этнографично, но не тогда, когда нервы и без того натянуты как струна, и тем более – не двадцать четыре на семь!

В крохотном, но уютном номере, пахнущем свежей древесиной и выпечкой из соседней кондитерской, я разобрал вещи и прилёг, желая оценить матрас...

... да так и заснул, весьма крепко и уютно, проснувшись ближе к вечеру, и чувствуя себя не то чтобы выздоровевшим, но всё ж таки много лучше. По крайней мере, горло уже не саднит, а насморк хотя и остался, но дышать я могу нормально, не прочищая ежеминутно нос и не шмыгая им совершенно плебейским образом.

– Так-с... – отщёлкиваю крышку часов и вглядываюсь в циферблат, спросонья не сразу разбираясь в хитросплетениях римских цифр, – четыре часа? Однако...

Зевнув, тру лицо и решаю сперва умыться и привести себя в порядок, а думать буду потом. Всё равно сейчас не думается, будто мозг, после длительного режима постоянной готовности, утомился и решил уйти в отпуск.

Душевая и туалет в конце коридора, всё как и везде. Всё очень по спартански, но чистенько и уютно, что значит – семейный отель. Ни тебе откормленных рыжих тараканов, бегающих по кафельной плитке цвета морской волны, ни чужих волос в сливе, ни сквозняков, ни канализационных запахов.

В наличии старомодная жестяная ванна, намертво закреплённая лейка душа с деревянным поддоном под ноги внизу, несколько тазиков, пара мочалок общественного пользования, да куски мыла из тех, что потом в СССР назовут хозяйственным. Даже горячая вода потекла чистая, и притом – сразу!

Вымывшись до скрипа, будто смывая с себя неприятности и дурное настроение, вернулся в номер и задумался, не без труда заставив мозг работать. На «Ольборге» я как мог отстирал и починил одежду – достаточно, чтобы не косились прохожие и не останавливали полицейские, но совершенно недостаточно для того, чтобы чувствовать себя в должной степени уверенно.

– В прачечную сдать... – задумался, кусая губу и машинально отмечая, что нужно бы купить крем и привести обветренную, воспалённую кожу в относительный порядок, – проблема! Распороть одежду и вытащить ценности труд невелик, сделаю. А вот не поймут ли в прачечной этого? Поймут, непременно поймут!

Задумываюсь, прикидывая все «за» и «против»...

– Впрочем, а не всё ли равно? – решаю наконец, – Мелкой контрабандой промышляют, наверное, все моряки, по крайней мере – время от времени. Не удивятся.

– Надеюсь, я не сильно выбиваюсь из этого образа, – подытоживаю решение, и достаточно быстро распарываю тайники в одежде, вытаскивая золотые монеты, английские фунты, американские доллары, швейцарские франки и...

... увы, но и рубли тоже. Какую-то ценность они имеют, и насколько я помню, как минимум несколько лет будут иметь хождение на территории Российской Империи, даже развалившейся на части. Понятно, что столь ненадёжную валюту стоит обменять как можно быстрее, равно как и обесценивающиеся на глазах французские франки.

Ещё раз перепроверил, всё ли на месте? На месте... Отставив рубли в номере, разве что записав их под матрас, рассовал пачки купюр и столбики монет по телу и отправился в прачечную, которую подсказал мне радушный портё.

Далеко идти не пришлось. Пройдя несколько домов, повертел головой, ориентируясь на местности, и решительно свернул за угол.

Скрипучие деревянные ступеньки, низкий вход, специфические влажные запахи из приотворённой двери... Решительно берусь за ручку и вхожу в помещение с несколько облупившимися стенами, в котором царствовал немолодой, здоровенный, но несколько рыхлый мужик с недовольной похмельной рожей.

Буркнув что-то нечленораздельное в ответ на моё приветствие, он нехотя, будто делая одолжение, принял у меня узел с одеждой. Вытаскивая вещи, он встряхивает их и тщательно осматривает, кривя рожу и набивая цену.

Я уже было подумывал забрать вещи и отправиться искать другую прачечную, как его позвали из задних комнат, и на смену ему вышла очаровательная молодая женщина лет двадцати пяти. Рыженькая, фигуристая, с красивым лицом той чеканной лепки, какая часто бывает на скульптурах, но очень редко в жизни, она оказалась настолько в моём вкусе, что у меня чуть не выбило пробки.

– Молодой господин хочет отдать бельё в стирку и починку? – проворковала она чудесным грудным голосом, встряхивая мои подштанники перед собой и разглядывая мотню.

– А? Хм... да, – отзываюсь, внезапно охрипнув и пялясь на неё совершенно бесцеремонно, тем похабным взглядом, за который в более приличном обществе можно получить по морде.

«– Богиня!! – пульсирует в висках...

... и в штанах с этим утверждением более чем согласны!

Она настолько хороша, настолько секси...

... а потом она подняла глаза, и в них отразилась та тщательно замаскированная блядинка, которую я всегда ценил. Подозреваю, в моих глаза тоже отразилось... что-то.

Рыженькая фыркнула совершенно как лисичка и окатила меня весёлым взглядом женщины, которая знает, что она хороша, умеет этим пользоваться, и безо всякого стеснения морочит головы своим поклонникам.

«— Облом», — констатировал во мне взрослый и поживший мужчина, но семнадцатилетний юнец не сдавался вопреки очевидным сигналам.

— Сложная работа... — качает она головой, и тяжёлая грива медно-рыжих волос качается в такт. Киваю, не слушая цены, и вижу только раскачивающиеся локоны, розовое ушко и высокие холмики груди, таящиеся под тканью простенького платья.

Забрав часть вещей, она скрылась в задней комнате, и я перевёл дух, покрутив головой.

— Вот чертовка!

Будто отзываясь, из дверного проёма выглянула сперва хорошенькая фру, внимательно меня оглядев, а потом ещё одна, похожая, но несколько моложе и не столь красивая. Потом они выглянули ещё раз... какое-то шуршание, голоса...

... а потому фру с очаровательным именем Эмма вышла ко мне, и кажется, она несколько поменяла своё мнение обо мне!

— ... А-алекс, — тянула она мурлыкающе, глядя маленькой ручкой ткань моей рубашки, лежащей перед ней, — такое мужественное, красивое имя! Но в вас чувствуется что-то варварское... Скажите, Алекс, вы русский?

— Русский, — признался я, чуть напрягшись. Я... признаться, это очень глупо, но здесь, в Европе, я больше русский, чем в России!

Понятие «национальность» я не то чтобы считаю вовсе устаревшей, по крайней мере, не в начале двадцатого века, но чем-то вторичным. Важнее воспитание, образование, мироощущение, какие-то культурные ценности и парадигмы, но никак не генетика и не язык.

Но и отказываться от своей «русскости» не собираюсь! Право слово... какое-то предательство иначе выходит, по крайней мере — сейчас.

«— Да и хер с ней с русофобкой чёртовой, — мрачно протянула взрослая часть меня, а потом, без перехода, — Напьюсь сегодня...»

— Да-а? — заинтересованно протянула фру Эмма, — Как интересно...

... и глазами — хлоп! А я, хм... тоже отреагировал — пуговица от ширинки оторвалась. Не от... этого самого, а просто — совпало. Но кажется...

— Всегда мечтала познакомиться с русским варваром поближе, — прошептала фру, перегибаясь через стойку и почти качаясь своими губами моего уха.

— ... удачно!

Несколько минут флирта, когда важнее не слова, а намёки, взмахи ресниц, поворот головы и учатившееся дыхание, и...

... всё совершенно ясно.

— Где ты остановился? — шепчет она почти неслышно припухшими губами, стоя мучительно близко. Называю отель...

— Иди... — велит она, — я следом. Ну же!

Сердце колотится так, будто ЭТО мне предстоит в первый раз, хотя что в той, что в этой жизни я был далёк от эталонов скромности. Выхожу, чуть придержав дверь и оглядываясь мимолётно, но так, чтобы запечатлеть каждое мгновение...

Вижу не только Эмму, но и её более молодую и менее совершенную копию. Сестра? Племянница? Плевать...

Иду в отель по раскачивающейся земле, не видя ничего и никого. По лестнице не захожу, а взлетаю! Трясущейся рукой вставляю ключ в дверь и срываю с себя верхнюю одежду. Ладонь к лицу, дышу... едва заметно пахнет мятой. Ах да, я почистил зубы, когда мылся. Минута...

... и вот она, Эмма. Какая-то накидка поверх, хотя кого этот маскарад обманет! Плевать...

Раздеваем друг друга, и вот мы обнажены. Я пожираю глазами её фигуру, и... Боже, как она хороша! Тонкая, узкая талия, выраженные бёдра с округлым приподнятым задом. Грудь высокая, в форме чаши, с тёмно-розовыми вздёрнутыми сосками. Кожа чистая, без родинок и прыщиков, и кажется, будто светится изнутри. Она пахнет мёдом и молоком, а ещё – женщиной...

Делаем шаг навстречу друг другу и...

... На озаренный потолок

Ложились тени,

Скрещенья рук, скрещенья ног,

Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка

Со стуком на пол.

И воск слезами с ночника

На платье капал.

И все терялось в снежной мгле

Седой и белой.

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

На свечку дуло из угла,

И жар соблазна

Вздымал, как ангел, два крыла

Крестообразно.

– Не ищи меня, – просит она, приводя себя в порядок.

– Я...

– Не ищи! – приказывает Эмма, затыкая рот длинным поцелуем, – Не надо! Дай Слово! Ну!

Киваю молча, и наваждение отпускает меня. Слегка... Я, наверное, буду вспоминать о ней и сожалеть, но...

– Прощай!

Накинув на голову накидку, она выскользнула в коридор, и только удаляющийся топот каблучков по коридору. Чуть помедлив, беру портсигар, накидываю верхнюю одежду и выхожу покурить.

Привалившись потной спиной к двери, щёлкаю портсигаром и достаю папиросу, вертя её в пальцах и ни о чём не думая. В голове пусто и так легко, будто и не было всех этих мучительных недель. Так, будто ещё вчера было одно бесконечное лето, звенящее от жары, стрёкота кузнечиков и полной надежд юности.

– Да... – протягивает вышедший в коридор жилистый фермер под сорок, вышедший из соседнего номера вслед за мной, – вот это да!

– Женщина... – он прикуривает, выпускает клуб дыма, и подмигивает всем лицом светло-волосому крепышу, стоящему в приоткрытой двери соседнего номера, – у парня была, а курить весь отель выбрался!

Он оглушительно хохочет, его приятель подхватывает, в коридоре начинают хлопать двери и шуточка расходится широко. До меня внезапно доходит, что стены здесь тонкие, а было у нас... громко. А ещё – разнообразно и временами – с диктовкой – что, кому, и как нужно делать!

Покраснев неожиданно для самого себя, вылетаю на улицу остыть, подставив лицо под мелкий дождик. А потом опускаю лицо и...

– Да нет, не может быть!

... вижу Эмму, удаляющуюся под руку с мужчиной чуть за тридцать, изрядно на меня похожего, разве что несколько более благообразного.

– Что за ... – в голову, отталкивая друг друга, лезут конспирологические версии, но плюнув отнюдь не мысленно, решаю забыть и забыть! В моей жизни происходит столько странного и непонятного, что одним событием больше, одним меньше... плевать! Отпустило.

В животе забурчало, и я, нащупав портмоне, решительно зашагал к виденному по дороге семейному ресторанчику из тех, в которых столуются квалифицированные датские рабочие, служащие и мелкие торговцы. Остановившись у сколоченного из досок и ярко раскрашенного газетного киоска, подобрал себе несколько газет, сунув их подмышку. В плавании, считая стоянки в портах, я был больше недели, да и несколько дней до этого не причащался прессой.

Поев одуряющее пахнувшего и совершенно невозможно вкусного супа с клёцками, заказал кофе и выпечку, которая в Дании изумительно хороша. В ожидании заказа, поглядывая иногда на полную, немолодую, но всё ещё миловидную хозяйку, принялся изучать прессу, цепляя заголовки глазами и проглядывая заинтересовавшие меня статьи по диагонали.

Основательно, всерьёз, я почитаю в номере, на сон грядущий, а пока нужно хотя бы знать, что случилось в мире за минувшие дни. Датская пресса глубоко провинциальна, здесь на первых полосах не важнейшие события в мире, а проблемы со сбором средств на восстановление старинной церквушки в глубокой провинции, недостаточная яйценоскость кур в Ютландии, да жаркие дискуссии о небольших изменениях в школьной форме.

Это говорит в пользу датчан, вернее – о здоровой психике большинства населения, крепко стоящего на ногах и озабоченного прежде всего проблемами своей семьи, затем родного городка, провинции и страны. Патриотизм у них очень практичный, понятный абсолютно всем, ассоциирующийся с безопасностью, теплом, полным желудком и безмятежным будущим, и только потом (по желанию!) с величием страны.

Но чтобы найти информацию о делах международных, особенно не затрагивающих Данию ни прямо, ни косвенно, приходится постараться. Порой кажется, что подавая информацию таким образом, датские власти играют не только на местечковом патриотизме сограждан, но и дистанцируются от Большой Политики.

– Та-ак... – я слегка и встряхнул газету, расправляя листы и вглядываясь в фотографию, – однако!

– Однако... – ещё раз повторил я, вглядываясь в такую знакомую физиономию, и не в силах собрать глазами прыгающие буквы, – Я, оказывается, Силы Реакции представляю... дожил.

– А-а... цитата! По мнению Совета народных уполномоченных Финляндии, мнение редакции не совпадает с мнением «Правительства Красной Финляндии», уже легче...

Делаю глоток кофе, который наконец принесли, и почти не чувствую вкуса.

– Эмиссар, значит... – неверяще качаю головой, листая газету, – это кто ж так умствует? А-а... Викжель всплыл, и моя роль в переговорах? Ясно... что ничего не ясно. Особый агент некоего Центра? Хм... знать бы ещё...

Задумываясь, судорожно пытаюсь сообразить, что всё это значит?! Одно дело – досужие домыслы, сиюминутные поддельные сенсации, которые забываются на следующий день. Другое – кого-то очень устраивает моя фигура в качестве дымовой завесы! Ну или как образ «эталонного» врага, что тоже очень может быть. С учётом моей своеобразной физиономии, гуляющих по Москве слухов и...

... некоторых фактов, в качестве Образа Врага я очень удобен. Скорее мелкого, регионального, но всё же, всё же...

Дескать – глядите, люди добрые! Какие образины палаческие против народа выступают! А сверху щепоткой фактов присыпать для достоверности, и всё – готов плакатный Гад, в бумажную физиономию которому так и хочется харкнуть!

– Награда... ага, хутор? Земли из бывших помещичьих? Вечная благодарность Народа Суоми? Ну-ну... а вот этого я совершал! И этого тоже...

Листаю дальше список своих преступлений. Длинный... Отсутствует, кажется, только обвинение в изнасиловании крупного рогатого скота.

– Когда б я всё успел? – озадачиваюсь я, но революционная логика, она такая. Своеобразная.

... а потом, в самом конце, как о чём-то малозначительном – короткая заметка о том, как в Финляндии «белые» финны убивают русских беженцев.

С утра голова тяжёлая, похмельная, полная мучительных мыслей и остатков сна. Под куполом черепа вертятся обрывки газетных статей, размышлений и скверной, полусонной попытки анализа, которым я занимался вчера вместо счёта овец.

– Зомби... – зевая во всю нечищеную пасть, бормочу я, поймав себя на том, что уже несколько минут сижу на кровати со штанами в руках, пялясь в пустоту невидящими, заспанными глазами. С силой потерев лицо руками, одеваюсь, прерываясь поминутно на зевоту, и захватив мыльно-рыльные принадлежности, пошёл в ванную комнату.

Свободна... и это радует!

«Ну да, – вяло соображал я, плеская в лицо холодной водой, – встал я как раз не слишком рано, когда большинство фермеров и торговцев уже разошлись по делам, и не слишком поздно – до того, как встанут те же фермеры и торговцы, но уже загулявшие»

Более-менее пришёл в себя, наверное, через полчаса, не раньше. Да и то скорее менее, нежели более.

У меня такое, к сожалению, бывает. В детстве чаще, а потом спорт, и попытка вести здоровый, упорядоченный образ жизни несколько исправили положение. Но по-видимому, запас прочности несколько исчерпался, что и неудивительно. Удивительно скорее, что организм выдержал все эти события, сдавшись только сейчас.

– Ладно, – говорю невесте зачем и снова зависаю, пытаюсь сообразить, а что, собственно, мне нужно сегодня сделать? Мысли ворочаются тяжёлыми жерновами, но наконец, в голову вползает, что необходимо обновить гардероб, потому что выгляжу я не слишком презентабельно, а это не есть хорошо!

Расспросив портё об имеющихся в датской столице магазинах а-ля секонд-хенд, развела старьёвщиков и прочих милому моему сердцу вещей, я отправился пополнять гардероб. Голова так и не отошла, так что по Копенгагену я бродил в режиме «вижу Цель, не вижу препятствий!»

С прохожими не сталкивался, но на красоты города мощностей моего процессора не хватило.

Забавно, но подтормаживание в выборе одежды мне скорее помогло, чем нет. Гардероб выбирал, не отвлекаясь ни на что, и наверное, со стороны выглядел не тормозом, а вдумчивым покупателем, вполне понимающим, а чего он, собственно, желает получить. Благо, опыт Сухаревской площади выручил, я всё ж таки хотя и занимался по большей части букинистикой и немного антиквариатом, но имел дело, хотя бы даже и опосредовано, со всяким старьём.

В номере отеля снова завис, вспоминая, чего же я упустил?

– Ах ты... – впечатываю ладонь в лицо, – самое главное не сделал!

Бросив одежду на кровать, пошёл было к двери, но опомнившись, снова подхватил узел и быстрым шагом отнёс его в прачечную, договорившись заодно о мелкой починке. Пришлось, правда, дать изрядный крюк, чтобы миновать заведение Эммы, но ничего не поделаешь...

На почте, с трудом подбирая слова, составил телеграмму и отправил в поместье никогда не виденной тётушки Магды, или вернее «дядюшки» Юхана.

«— Наверное, оно и к лучшему, что я сейчас такой отупелый, — мелькнула мысль, когда я расплачивался за телеграмму, — лучше уж так, чем нервы на взводе перед встречей с мамой, которую не видел несколько лет»

Зная за собой, что в таком состоянии я не засну, а если вернусь в номер и лягу, то буду просто валяться на кровати в полусне, а в итоге к ночи не только не отою, но скорее напротив, устану ещё больше, я решил всё ж таки побродить по городу.

— Программа-минимум, — постановил я вслух, и без особого на то желания отправился кататься на трамваях, пробовать местное мороженое и выпечку. Ну и вообще, всячески ублажать себя в попытках поднять настроение. Без особого на то желания, а скорее из-за галочки в списке туриста, забрёл в кинотеатр, где демонстрировали «фильму» прямиком из Голливуда, который ещё не стал фабрикой грёз в настоящем смысле этого слова.

Кинотеатр был маленький, тесный и щелястый, что оказалось скорее во благо, потому как многие зрители нещадно курили, нервничая и затягиваясь порой излишне часто на некоторых моментах. Когда начинал играть на раздолбанном пианино тапер⁹, то ли в такт музыке, то ли просто желая согреться, некоторые зрители начинали топотать ногами, что придавало просмотру фильма весьма своеобразный оттенок.

Немое кино с гримасничающими, откровенно переигрывающими актёрами, мне, в отличии от остальных, не особо зашло. А уж тапер и папиросный дым...

Но о потерянном времени, тем не менее, я нисколько не пожалел! Сперва да, было скорее скучно, и развлекали меня разве только мысленные правки по ходу фильма, а потом дошло...

... я ведь знаю — как надо! Знаю! Ни разу не киноман, но был у меня период, когда я крутил романы последовательно с несколькими начинающими актрисами. Не особо вникал в тонкости взаимоотношений, сценического ремесла, грима и прочего, но даже так — я знаю больше, чем абсолютно любой из современных мэтров!

Впрочем, сейчас, на заре становления кинематографа, это несложно. Я, как и любой человек двадцать первого века, знаю множество вещей, элементарных для нас, и ставших бы открытием, прорывом — в этом времени.

О собственном таланте, разумеется, речи не идёт... Как нет и особого желания влезать в это болото «с ногами». Но ведь наверное, можно как-то... поучаствовать?

* * *

В поезде, прислонившись лбом к стеклу, я стоял окна, бездумно разглядывая проплывающую за окном местность. Карман жжёт телеграмма с несколькими, довольно-таки формальными и сухими словами, и я то и дело отрываюсь от созерцания, снова и снова проверяя, не пропала ли она!?

Настроение... да так себе настроение, откровенно говоря. Я и так-то нервничаю, да ещё и эта телеграмма, будь она неладна! Понятно, что матушка не могла устроить приглашение без ведома «дядюшки» Юхана, и наверное, именно отсюда некоторая сухость и двусмысленность отпечатанных на бумаге слов. Но...

... а вдруг!?

Взрослый, поживший мужчина прекрасно понимает подноготную и умеет играть словами. А вот подросток, который давно не видел маму, невероятно нервничает. Причём в голове сплошная ерунда, вроде переживаний о том, что он, то бишь я, недостаточно хорош.

⁹ **Тапёр** (фр. *tapeur* от *taper*, букв. — «хлопать, стучать») — во второй половине XIX — начале XX века музыкант, преимущественно пианист, сопровождавший своим исполнением танцы на вечерах, балах, впоследствии — немые фильмы. Название профессии произошло от манеры исполнения, так как зачастую в наличии имелось лишь пианино низкого качества, на котором приходилось играть, буквально стуча по клавишам.

А наша общая синтетическая личность, ещё, кажется, не сложившаяся до конца, в раздрае. Неприятно, нервно... Хочется курить, кусать губы и – нажраться, вроде как заранее праздная разочарование.

Глубоко вздыхаю, полной грудью втягивая воздух...

... и кашляю, подавившись клубом едкого, редкостно вонючего и крепкого табака.

Кошусь на благодушного фермера с трубкой, беседующего о чём-то с соседом, но тот, не обращая на меня внимания, продолжает курить, беседовать и вдумчиво дегустировать домашние настойки в приятной компании. Впрочем, оно и к лучшему.

Клубы едкого табачного дыма, запахи угля, домашней снеди и алкоголя, пота и одеколона, помад для волос и нафталина вернули меня в настоящее. Раздражение – да, осталось, а вот недавняя депрессивная неуверенность отошла в сторонку.

А вообще... интересно. Да, интересно! От Копенгагена до Одессы достаточно близко, поезда в Дании ходят точно по расписанию, так что брать купейный вагон я посчитал ненужной, да и опасной роскошью.

По итогу, еду сейчас с фермерами, ремесленниками, коммивояжёрами и всякого рода мелким служивым людом, представляющим, преимущественно, пресловутое «третье сословие¹⁰», и отличие от Российской действительности – самое разительное!

Добротны одетые, сытые люди с уверенными, спокойными лицами. Это их страна, их земля, их правительство. Да, они маленькие люди, и каждый по отдельности может немного. Но ведь может, чёрт подери! Даже один... А уж вместе они – вполне весомая сила, и правительство вынуждено прислушиваться к ним, менять жизнь в стране в лучшую сторону для всего народа, а если не справляется – подавать в отставку!

А у нас... Вспомнились вечно напряжённые, полусогнутые крестьяне, приехавшие по нужде в город и готовые тут же, в сей секунд, рвать с головы шапку и склоняться в поклоне перед любым прыщом в кокарде на фуражке.

Горожане из «подлых» сословий, сегрегированные вполне официально, да так, что куда там чернокожим в нынешней Америке! Там, понятное дело, пожёстче...

... но не то что народ – раса другая! Проще находить себе оправдание, абстрагироваться от происходящего и говорить себе «Это не моё дело». А какое оправдание у представителей высших сословий Российской Империи, ещё недавно гнобавших собственный народ? Да полноте, собственный ли...

Вот и вырастают люди, привычные к хамскому окрику, тычку в спину и к тому, что Власть – всегда права! К тому, что они не могут ничего изменить, а если и приходят в голову мысли об изменении существующего строя, то не эволюционным, а исключительно революционным путём!

До основания! Сжечь! Разгромить полицейские участки! Срубить липы на аллее, где когда-то барин до смерти запарывал крепостных и играл с детьми и бабами в «Ку-ку», стреляя по прячущимся мелкой дробью. Отомстить! За всё!

Поколения поротых спин, которые просто хотят, чтобы у их детей было – иначе. Но кровь застит глаза...

А по итогу – снова диктатура, но уже – пролетариата. Да, будет образование, дворцы пионеров и Гагарин. Но ведь будет и ГУЛАГ¹¹, отсутствие паспортов у колхозников¹², и – страх! Другой. Но будет...

¹⁰ Третье сословие – во Франции старого порядка все группы населения за исключением привилегированных, а именно – духовенства и дворянства. В отличие от первых двух сословий, третье сословие платило налоги.

¹¹ ЕЩЁ РАЗ! Автор отделяет себя от ГГ! Не надо писать мне гневные посты о том, я в корне не прав и вообще – продался Западу. Точку зрения ГГ и примерный вектор его действий я написал ещё в аннотации к ПЕРВОЙ книге!

¹² Отсутствие паспортов у колхозников тема сложная. Одни пишут, что они ничего не решали, и паспорта, дескать, были просто не нужны. Колхозник со справкой от сельсовета мог свободно мотаться по району и чуть не по стране, а получить пас-

А ещё – будет доминирование Государства над Личностью, человек-винтик и – крах. Снова...

... а потом – снова...

Накатила тяжёлая, удушливая тоска. Захотелось – вот так! Чтобы сытно, благополучно, уверенно... без поротых спин и без диктатуры. Какой бы то ни было...

А за окном мелькали пейзажи сытой, благополучной страны. Страны, где давно уже нет поротых спин, зато есть – гражданское общество.

На вокзале Оденсе меня встречал слуга. Пожилой, довольно-таки высокий, тощий, прямой и весь какой-то вытертый, как ручка от метлы, одетый в приличное, но явно перешитое пальто с чужого, скорее всего – хозяйского плеча.

– Херр Пыжов? – шагнув вперёд, поинтересовался он, еле заметно вздёрнув кустистую бровь, пересеченную заметным шрамом. Молча киваю и ставлю чемоданы на пол, глядя сквозь него. Почти незаметная пауза, и слуга, не без труда подхватив багаж, понёс его к экипажу, ухитряясь прямой спиной, походкой и всем своим существом выражать неудовольствие от моего присутствия.

– Херр... – ещё раз сказал он, положив чемодан на задок экипажа и едва заметно склоняя голову. Ожидаемо... и немного смешно. А ещё – грустно.

Все эти игры, призванные показать нежеланному гостю место, выразить своё неудовольствие излишне бесстрастной или напротив, любезной мимикой, постановкой корпуса и прочими психологическими трюками, я прошёл ещё в прошлой жизни на специальных тренингах. А здесь, в этом времени, я сперва улучшил, закрепил их общением с московскими коллекционерами и профессурой, а после отточил в кругу моряков Российского Императорского Флота. Слуги провинциальных датских помещиков, да хоть бы и сами помещики, это не те люди, которым по силам смутить меня.

Смешно! А ещё грустно и... противно. Понятно, что «дядюшка» Юхан опасается проявлять родственные чувства, ожидая, очевидно, просьб о помощи и совершенно не желая предоставлять её. Но право слово, всё это можно было сделать гораздо изящнее!

Впрочем, о чём это я... Это же Дания! Сытая, уютная европейская провинция. Захолустье. При всей моей симпатии к этой стране...

Ехали молча. Слуга, так и оставшийся безымянным (что, к слову, вопиющее нарушение правил приличия) правил лошадьми, бежавшими неторопливой рысцой по хорошо укатанной грунтовой дороге. Поначалу он сидел на козлах излишне прямо, таким деревянным болваном, не поворачивая головы по сторонам, с напряжённой спиной и шеей.

Полчаса спустя он несколько отмяк и кажется, забеспокоился. По-видимому, согласно его или хозяйским замыслам, я должен был вести себя иначе. Сперва он начал ёрзать на козлах, потом завертел головой, и наконец обернулся всем корпусом, как бы провожая взглядом ничем не примечательную ферму, обсаженную аккуратным прямоугольником деревьев. Очевидно, столь нехитрым образом он вызывает меня на разговор, но... неинтересно.

Не обращая внимания на его оборачивания и кхеканья, сижу молча, с тем скучающим пресыщенным видом, который я подхватил в Севастополе у военных моряков, и который замечательно ложится на мою своеобразную физиономию. Я отчасти благодарен столь холодной встрече.

Погасло, подёрнулось пеплом недавнее очарование Данией, пришло осознание, что милая, сказочная страна, очень походит на пряник с сахарной глазурью, в котором самое вкус-

порт якобы мог в любой момент, не получая только потому, что не было необходимости. Другие пишут, что реально из большинства колхозов можно было уехать только на «комсомольские» стройки или в армию (ещё на учёбу, но и здесь всё не просто так), а получить паспорта и ПРОСТО уехать на хер из колхоза было проблематично и в 50-х гг.

ное – эта самая глазурь. А само тесто хотя и неплохое, но в общем-то обычное, да и то – на любителя.

Тянутся вдоль дороги аккуратные фермы в обрамлении деревьев, небольшие уютные рощицы и рыбные пруды. На полях видны стада знаменитых датских коров, работающие в поле люди, мелькают иногда где-то вдали отчаянно чадающие трактора, коптящие низкие облака.

В России ещё лежат снега, а здесь уже вовсю растёт молодая зелёная трава и ведутся полевые работы. Без спешки, без страды. Да и куда спешить, если климат ровный, а зима больше напоминает не самую позднюю российскую осень. Даже корма здесь заготавливают от силы на пару месяцев, да и то, самые предусмотрительные и рачительные хозяева. Совсем другая жизнь...

... и отсюда – характер.

Движение на дороге достаточно оживлённое, представленное в основном конными экипажами, да изредка, фырча и попёрдывая несовершенными двигателями, проезжает автомобиль. Вдоль дорог деревянные столбы с электрическими проводами, да вначале, пока мы не отъехали от Оденсе подальше, попадались телефонные линии, которые позже пропали из вида.

Пахнет травой, навозом, дымком из труб и сыростью, а ещё – морем.

Морем здесь, кажется, пахнет повсюду. В Дании невозможно удалиться от моря дальше, чем на пятьдесят километров, и его влияние чувствуется буквально везде. В запахах порта и гниющих водорослей, вплетающихся в пасторальные сельские пейзажи, в развешенной на просушку рыбе и в бесчисленном множестве мелочей.

Заморосил дождик, прерывая мои философские размышления, и я откинулся назад, прячась под пологом экипажа. Вспомнилась датская поговорка «У нас никогда не бывает очень холодно, никогда не бывает тепло, и всегда очень сыро. А если не сыро, то идёт дождь».

Обогнавший нас автомобиль, фыркнув чадом газolina в морды лошадям и слегка напугавший их, несколько разнообразил однообразное путешествие. Несколько минут спустя мы свернули на дорогу, ведущую к поместью. Проходит она через небольшую возвышенность, в этих краях, наверное, считающуюся холмом.

Здесь слуга чуть придержал коней, очевидно, давая мне проникнуться величием поместья, но честно говоря, не вышло. Группа строений, более всего напоминающих фермы колхоза средней руки, неизменные деревья вокруг, да пара прудов.

Когда мы подъехали поближе, я увидел герб хозяев, несколько облагораживающий колхозный облик поместья. Да и то, если задуматься, по большому счёту, по крайней мере визуально, дворянские гербы не сильно отличаются от герба Союза и Союзных Республик, которые во времена оно лепили где только можно, и которые отчасти сохранились даже три десятилетия спустя.

Цокая подковами по вымощенному булыжником подъездному пути, экипаж подъехал к самому дому. Вблизи особнячок всё ж таки отличается от правления колхоза или небольшой конторы, но не принципиально, а скорее некоторым налётом провинциального скандинавского уюта и попыток облагородить жильё с минимальными усилиями.

Вижу в окнах суету, человеческие силуэты и наконец дверь отворилась и вышла мама...

... худая, некрасивая женщина, чья внешность несколько смягчилась, облагородилась с возрастом.

– Алёшенька...

– Мама...

... и меня, синтетическую личность, смяло и отбросило куда-то вглубь. Это всё тот же я, но ещё и Алексей Юрьевич Пыжов отдельно, а ещё – мальчик Алёша, который давно не видел маму...

Всё было очень неловко, скомкано и наверное – трогательно. Наверное. Не знаю.

В небольшой узкий холл, отделанный потемневшими от времени дубовыми панелями, вплыла тётушка Магда, которую я сразу узнал. В своих письмах матушка не описывала внешность кузины, но портрет её, составленный мной по скупым обмолвкам, оказался достаточно близок к оригиналу.

Это рослая, ширококостная дама с некогда привлекательным, но несколько угловатым лицом и массивной, широкой челюстью, какие не редки на севере Европы. Волосы прекрасные, тёмно-русые с медовым оттенком, тронутые лёгкой проседью. Движения несколько размашистые, резкие, почти мужские, но видно, что она пытается сдерживать себя.

– Алекс, – улыбнулась она почти приязненно, но серые глаза, прячущиеся под набрякшими веками, смотрят с...

... холодком? Хм, а пожалуй что и нет, скорее – с некоторым недоумением и опаской. Ну, если она тоже читала газеты, это и неудивительно...

– Фру Магда, – не сразу ответил я, заново собираясь воедино из множества осколков, – рад видеть вас!

Целуя пухлую руку хозяйки, окончательно пришёл в себя. Когда я выпрямил голову, в холле был уже не мальчик Алёша, а Алексей Юрьевич Пыжов, потомок старинного боярского рода, уважаемый букинист и антиквар, принятый (хотя и с оговорками в силу возраста) в салонах Москвы и Севастополя. А ещё – начинающий политик и общественный деятель, который, пусть даже без особого на то желания, оказал на это самое общество заметное влияние.

Меряются взглядами с хозяевами дома моветон, но на миг наши глаза всё ж таки встретились, и я приоткрыл шторы, позволяя увидеть настоящего себя. Растерянно моргнув, тётушка Магда улыбнулась неуверенно...

... но я уже делаю шаг назад, позволяя ей взять себя в руки, и к её чести, женщина быстро справилась.

– Я провожу вас вашу комнату, Алекс, – улыбается она, – и пожалуйста, зови меня тётушкой Магдой, мы же всё-таки родственники!

– Хорошо, тётушка Магда, – улыбаюсь в ответ, подстраиваясь под её широкий, мужской шаг.

На ходу ведём полусветский разговор ни о чём и обо всём сразу. Внешне поверхностный, легковесный, приязненный, но позволяющий, тем не менее, прощупать собеседника, не переходя некие грани и даже не подступаясь к ним.

Она хозяйка дома и потому имеет фору, но это не слишком ей помогает. Всё ж таки жизнь в древней столице, и бытие провинциальных помещиков средней руки, это несколько разные вещи.

А внешне – да, всё очень тепло, по-родственному, уютно и дружелюбно. Собственно, так оно и есть, просто с поправкой на аристократический менталитет и выстраивание иерархических отношений.

Пытаюсь показать, что я уважаю её и её положение, никоим образом ни на что не претендуя, но не желаю при этом встраиваться в иерархию на положении младшего родственника. В этом уравнении нужно учитывать возраст, пол, настоящее и прогнозируемое общественное положение, образование, знакомства и прочее, прочее...

– ... рекомендательные письма, – небрежно бросаю я, называя имена и учёные регалии.

– ... на приёме у герцога... – парирует она, нервно обмахнувшись платочком.

– ... старинные фолианты, – продолжаю свою связку я, – ... переводы старинной поэзии.

Считаются эталонными...

Выпад достигает цели! Вещи такого рода почти никогда не приносят денег, но вот статус...

... и связи.

В светском обществе прилично, а скорее даже – уместно интересоваться искусством, историей и литературой, да ещё, пожалуй, лошадьми и военным делом. А монетизация такого рода хобби не считается хоть сколько-нибудь предосудительным даже самыми строгими ревнителями светской морали. Собственно, аристократии прилично заниматься искусством, политикой и войной, желательно совмещая эти занятия.

Хотя я и не имею на то никакого желания, но в образ аристократа, нежно лелеемый ревнителями старины, я вписываюсь почти идеально. Поскольку мне это нисколько не мешает, скорее даже наоборот, время от времени, на публику, я отыгрываю это с должным тщанием. Да и вообще, стараюсь держаться в неких рамках, потому как общество пока сословное, и аристократия в Европе, особенно старая, имеет заметный вес.

Если уж быть точным до последней запятой, полностью эталонный аристократ деньги не зарабатывает, а тратит. Он занимается политикой, управлением Государством или просто путешествует, а деньги, активы и земли прирастают к нему сами по себе. Как бы.

– Кстати, с этой картиной в нашей семье связана достаточно интересная история, – на правах женщины и хозяйки дома меняет тему тётушка Магда, останавливаясь в коридоре, – Кажется, в начале восемнадцатого века...

– В конце семнадцатого, – поправляет её матушка.

– Неужели? – делаю заинтересованный вид и слушаю действительно недурственную семейную легенду, в которой причудливо переплелись малые голландцы¹³, игра в кости с капитаном прусских драгун и Наполеоновские Войны, когда утраченная картина снова вернулась в семью. По материнской линии с тётушкой Магдой у нас общий предок, так что слушаю с искренним интересом. Да и рассказчицами матушка и тётушка Магда оказались неплохими, увлечённо дополняя друг друга.

Светские разговоры, по молчаливому соглашению сторон, остались в прошлом. Разговор перескочил на живопись, в которой я, хотя и разбираюсь вполне недурственно, не стал давить ни своим знанием классической школы живописи, ни прогнозами по части современного искусства. Так что разговор закончился, как ему и было должно, на приятной ноте.

... закрыв за собой дверь комнаты, я обессилено стёк вниз и долго сидел с закрытыми глазами на холодном полу, не в силах встать. Наконец, упираясь руками в колени, встал и нашёл в себе силы оглядеть комнату.

Небольшая, но светлая, чистенькая. Окна на задний двор, но не на коровник, как я подсознательно ожидал, вид вполне пристойный и пасторальный.

В комнате, ближе к двери, у окна письменный стол старинной работы, два стула, шкаф и комод. На стенах зеркало в простой раме, несколько пейзажей, не представляющих особого интереса, и потёртый, но вполне недурственный ковёр на полу. Ремонт и общая обстановка приличные, но несколько безликие, так что скорее всего, комнату используют в качестве гостевой.

В дверь постучали, и не дожидаясь ответа, женский голос произнёс:

– Ванна готова, херр Пыжофф!

– Хм... – стало ясно, что на полу я просидел много больше, чем показалось. Тяжело дался разговор... Вести светские разговоры, когда одна часть сознания рассыпалась на пушистое облачко просто потому, что рядом мама, мягко говоря, непросто.

¹³ *Малые голландцы* – условное название голландских художников XVII века, писавших небольшие, тщательно отделанные картины. Сюжеты, как правило, тоже были камерные, преимущественно со сценами повседневной жизни.

Взяв из чемодана чистую одежду, прошествовал в ванную и погрузился в мир начищенной старинной меди, кувшинов с кипятком и услужливо-деловитой горничной, предложившей мне свои услуги.

По законам жанра, горничной полагается быть молодой и привлекательной особой с чёртиками в глазах, но увы, статями и физиономией она напомнила мне скорее старую клячу, да и пахло от неё какой-то конюшной. Впрочем, даже если всё было иначе, я бы не стал распускать руки и каким-либо образом дискредитировать себя.

За время, пока я купался, горничная разобрала мои вещи, развесив их по шкафу и разложив в комод.

– Ах ты ж... – вполголоса ругнулся я, с колотящимся сердцем проверяя зашитые в одежду ценности. На месте, но...

– Закавыка... – тяну, кусая губы, – а-а, ладно! Вещи чистые, починенные, скажу прислуге, чтобы не трогали. Или...

Скривившись, я понял, что сегодня полночи буду аккуратно выпаривать из одежды золото и деньги, дабы таскать их при себе. А после, в ночь перед отъездом, заново прятать ценности по тайникам.

– И на обеде как на иголках... – бормочу я, наводя перед зеркалом последние штрихи.

Обед не задался. Херр Кирстен, весьма сдержанно, и я бы даже сказал – холодно отреагировавший на знакомство, за каким-то чёртом попытался вести себя со мной с позиции человека, безусловно высшего по положению.

– Алекс, – начал он, разрезая бифштекс, – чем ты думаешь заниматься?

На «Алекс» я вздёрнул бровь, но не стал реагировать резко. Посмотрим... может, он решил-таки принять меня в качестве родственника?

– Учиться, дядюшка Юхан, – спокойно отвечаю, цепляя вилкой морковь.

– Херр Кирстен, – с нажимом сказал он, откладывая столовые приборы.

– Очень приятно, херр Кирстен, – едва заметно склоняю голову, – херр Пыжов.

Разом похолодело так, будто из оконных проёмов выставили рамы.

– Херр... – произнёс одними губами хозяин дома, снова начав терзать бифштекс. Несколько раз он порывался сказать мне что-то, но лишь плотнее сжимал губы и играл желваками, очень заметными на квадратной физиономии, обрамлённой аккуратной бородой.

В глазах матушки заплескалось отчаяние, а я мысленно заматерился. Кажется, всё идёт хуже, чем я рассчитывал... Впрочем, есть у меня планы и на этот случай. Единственное, хотя бы на первых порах, пока не устроюсь, хотелось бы не иметь при себе... балласта.

Маму я люблю, но нужно быть с собой честным – молодому парню гораздо проще и (что немаловажно!) дешевле устроиться в большом городе. Потом, по мере того как освоюсь и обросту связями, да...

Дело даже не в деньгах, хотя они и важны. Мы, по факту, почти чужие люди, и я несколько лет рос без неё. А я в глазах матушки, боюсь, остался всё тем же маленьким мальчиком... Ну или вариант не лучше – незнакомым и почти чужим человеком. В любом случае, предстоит длительный период притирки, а заниматься этим лучше, когда в жизни всё более-менее стабильно.

– У Алекса приглашение с Сорбонну и рекомендательные письма, – бросив быстрый взгляд на кухню, попыталась спасти положение тётушка Магда.

Физиономия херра Кирстена могла бы послужить натурой для аллегории «Скептицизм», но на замечание супруги он предпочёл отмолчаться.

Обед проходил в неловкой тишине, нарушаемой лишь редкими репликами. Сразу после одного херр Кирстен удалился к себе в кабинет, одарив меня напоследок неласковым взглядом.

– Пойдём, Алёшенька, я тебе особняк покажу, – заторопилась после обеда мама, переглядываясь с хозяйкой дома.

– Буду рад, – соглашаюсь я, утирая губы салфеткой и поднимаясь из-за стола. Экскурсия началась с холла, о котором мне поведали немало интересного, и перетекла в хозяйственные помещения.

– ... вот здесь у нас прачечная, – рассказывала она, пригибая голову перед низкой притолокой и заходя во влажное помещение, где трудится худая женщина лет шестидесяти с чудовищно огромными красными руками, сделавшая неловкое подобие книксена и вопросительно глянувшая на матушку.

– Ханна, – представила её мама, – наша прачка.

Услышав своё имя, женщина снова сделала книксен и попыталась улыбнуться, а после, водрузив на гладильную доску огромный чугунный утюг, наполненный раскалёнными углями, скрылась в облаках кисловато пахнущего пара. Матушка смело нырнула в него, и отдав несколько коротких приказаний, повела меня дальше.

С особым тщанием она показала мне сухую кладовку, где в идеальном порядке были расставлены и разложены присланные мной книги, статуэтки и прочие ценности, которые я смог переслать ей ранее. Матушка всё порывалась устроить совместную ревизию, чтобы я убедился в её добросовестности, так что я еле отговорился, отложив это на завтра.

– А вот здесь у нас варенье и конфитюр... – подсвечивая себе керосиновой лампой, с гордостью демонстрировала она ряды банок, горшков, горшочков, низок с сушёными фруктами и холщовых мешочков с ягодами, – на всю зиму хватит! На ярмарках ещё продаём.

– Ой, Алёшенька... ты бы знал, какие здесь, в Оденсе, замечательные ярмарки, особенно Рождественская! Чудо, а не ярмарка! А сладости? Я тебе обязательно куплю! И петушки на палочке бывают! Помнишь? Ты же их любишь!

Улыбаюсь вымученной улыбкой, не споря и не протестуя. Понятно, что матушка видит во мне всё того же маленького мальчика, отказываясь признать, что я повзрослел.

– Да! Пойдём, я тебе свою комнату покажу! – не слушая ничего, она схватила меня за руку и побежала вверх.

Комната у матушки на втором этаже, довольно-таки просторная, светлая, обставленная с большим вкусом и очень уютная. Письменный стол, большой шкаф, комод, небольшая гардеробная и два мольберта, один из которых стоит прямо возле окна.

– Присядь! – скомандовала она, усаживая меня на стул, – Я набросок сделаю. Подожди...

Вытащив расчёску, мама пригладила мне волосы, повернула голову влево, вправо...

– Посиди смирно, мальчик мой, – рассеянно сказала она, – не шали!

Уехал я через два дня, отговорившись крайней необходимостью быть в Сорбонне как можно быстрее.

– ... нет, ну как же так, – растерянно говорила мама, – один, в большом городе...

– Луиза, не переживай за мальчика, – тётушка Магда обняла её сзади за плечи, – он у тебя умный и самостоятельный, совсем взрослый мужчина.

– Взрослый... – прерывисто вздохнула матушка, прижимаясь спиной к кухне, – да, взрослый!

– Обещай... – начала она, обращаясь ко мне, – хотя нет, не надо... Просто живи, хорошо?

Высвободившись из объятий кухни, она подошла ко мне, провела рукой по щеке, вздохнула прерывисто...

... а потом с неожиданной силой притянула мою голову, поцеловала в лоб и оттолкнула.

– Ну же... – выдохнула мама, – иди! А то я тебя никогда не отпущу!

Заморгав часто, я простился с мамой и тётушкой Магдой, уселся в экипаж, где на козлах уже восседал сухопарый Гюнтер, укрощённый и присмиревший. Во всяком случае, чемо-

даны и сундуки, хранимые ранее матушкой, он таскал безропотно и без малейшего намёка на фронду.

– С Богом! – с силой сказал матушка, перекрестив меня, – Ну! В добрый путь!

Гюнтер тронул лошадей вожжами, и подкованные копыта застучали по мощёному булыжником двору. А я всё оглядывался и оглядывался...

... пока усадьба окончательно не скрылась из виду.

Глава 4 Париж. Весна. Любовь

– Вы понимаете, Алексей, как повезло? – проникновенно сказала Эка Папиашвили¹⁴, склоняя набок некрасивую одутловатую голову в скверном парике и пронзительно глядя на меня выпуклыми, базедовыми глазами, испещрёнными багровыми прожилками, – Это Сердце Парижа, его настоящий центр! Лувр, сады Тюильри, это всё ерунда! Там невозможно, просто невозможно жить! Поверьте мне, Алексей. Я знаю, о чём говорю!

В голове, после тяжёлой дороги, звенящая пустота и никаких мыслей. Хочется только затащить наконец свой багаж наверх, помыться и сходить поесть.

– Латинский квартал – вот где сердце Парижа! – патетически восклицает Эка, – Здесь и только здесь настоящая жизнь!

Киваю машинально, сейчас я готов согласиться на что угодно... Да и русский язык хозяйки стал для меня изрядной неожиданностью, несколько выбив из привычной колеи.

– Вам повезло, Алексей! – снова восклицает она, и я вяло отмечаю, что восторженности и восклицательных знаков в её речи избыточно много, – Вы не представляете, сколько было желающих здесь поселиться, но я отказала всем, потому что я вижу, вы порядочный юноша! Вы понимаете, как вам повезло, Алексей?!

Киваю, вымученно улыбаясь...

– Да что вы меня задерживаете! – внезапно возмущается она, – Пойдёмте!

Грузно переваливаясь с боку набок, она начала подниматься по узкой, скрипящей деревянной лестнице, ощутимо прогибавшейся под её весом. От женщины ощутимо пахнет застарелым потом и духами. Большой отвислый зад ходит ходуном перед моим носом, прямо на глазах пятна пота на спине и подмышками становятся больше.

– Уф-ф... – выдохнула она, взойдя наверх, – утомили вы меня, Алексей!

– Ну, смотрите, смотрите! Видите, как вам повезло? Вот здесь... – она сделала широкий жест, показывая на стену мансарды, украшенную картинами самого дурного вкуса, – Сорбонна! А подойдите к окну...

Она распахнула окошко и встала сбоку, указывая меня рукой куда-то в небо.

– ... видите?

– Н-нет, – отвечаю озадаченно, не в силах протиснуться мимо Эки, – Я, собственно...

– Это Латинский квартал! – перебила она меня, – Кто бы вам что ни говорил, но это самый центр Парижа! Вы понимаете, как вам повезло? Там, менее чем в километре, Сорбонна! Храм наук! Профессура, друзья, студенческая жизнь... Ах, Алексей, как я вам завидую!

– Кстати, – Эка переменила тему разговора, – вы французский язык знаете? Я на шести языках говорю!

За каким-то чёртом Папиашвили произнесла несколько фраз на скверном немецком, на иврите и на довольно-таки сносном английском, уставившись на меня с видом победительницы. Киваю, натягивая на лицо уважительную гримасу.

– Дочка на девяти говорит, – похвасталась Эка, – она оперная певица! А я математику преподаю...

– Кстати, эти картины, – повела она рукой, – я сама писала!

Вид торжествующий, будто мы участвовали в каком-то важном соревновании, и она выиграла, прямо сейчас позируя на пьедестале под вспышками фотоаппаратов. Ликует толпа фанатов, скандируя «Эка! Эка!», а журналисты, наперебой, восхищаются её знанием языком, картинами и талантами преподавателя.

¹⁴ Все совпадения случайны.

Выбросив из головы дурацкую кинематографическую сценку, киваю... мне ещё весь остальной багаж наверх затаскивать, а хочется только есть, спать и пить. В поезде по ряду причин не удалось поспать, а ел больше двенадцати часов назад, да и пил, кажется, немногим меньше.

– Нигде... – надала она голосом, – нигде вы не найдёте такой шикарной квартиры за такие деньги! Вам очень повезло, Алексей! Вы понимаете? Я могла сдать квартиру кому угодно, но я решила сделать счастливым молодого человека из России, уехавшего от ужасов Революции. Вы, кстати, чем занимаетесь?

– Эм... – в голове мелькает список, чем же я собственно занимаюсь, но решаю ответить максимально нейтрально, – студент.

– Замечательно, – кивает Папиашвили, чем-то удовлетворённая, – учитесь, Алексей! Если нужна будет помощь, непременно обращайтесь! Вы любите оперу? Я могу достать билеты в оперу, у меня дочка – оперная певица!

– Да... – выдавливаю я, – благодарю.

– Всё, Алексей! – замахала Эка руками, – Вы меня задерживаете! Давайте деньги, и я пошла!

– Да, конечно... – начинаю вытаскивать портмоне, но немного медленно, силясь вспомнить что-то.

– А давайте я вам покажу Латинский квартал! – внезапно предлагает она, ловко выхватывая портмоне и вытаскивая нужную сумму, – Багаж занесите, и пройдем со мной.

– Эм... да, буду благодарен, – машинально киваю я, несколько ошарашенный подобной непринуждённостью и силясь придти в себя.

– Давайте, давайте! – Эка машет пухлыми руками, подгоняя меня, – В темпе!

Подхватываю чемодан с книгами и с натугой тащу наверх, обтирая плечами давно не белёные стены. Лестница узкая, неудобная, как это часто бывает в старых парижских домах, где экономится каждый квадратный фут.

– Ох, Алексей... – качает головой Эка, – что же вы такой неосторожный! Всю стену ободрали... Да быстрее, быстрее же! Не задерживайте меня, я спешу!

Затащив наверх последний чемодан, я ссыпался вниз по лестнице, на ходу кладя ключ в карман и вытаскивая деньги.

– Пошли! – командует Папиашвили, срываясь с места. На ходу она, перескакивая с одной темы на другую и ни одну не заканчивая, поведала о дочке и об улицах Латинского квартала. А ещё о том, что она, Эка Папиашвили, порядочная женщина, и мне невероятно повезло с хозяйкой и жильём. Она всем помогает и относится к постояльцам как к родным, потому что она, Эка, святая женщина!

Долго, впрочем, экскурсия не продлилась. Эка, астматично дыша и повествуя о своём величии, необыкновенных знакомствах и о том, что ней считают за честь общаться исторические личности, потаскала меня по улицам взад-вперёд минут пять, ухитрившись не выдать ни на йоту полезной информации.

Во время экскурсии я снова услышал только, что мне необыкновенно повезло, что она, Эка, живёт не здесь, и о том, что русские – генетические холопы. Пока я переваривал услышанную информацию, не вполне понимая, а не послышалась ли она, Папиашвили вывалила на меня ещё один ворох сумбура, и поймав такси, уехала.

Я же, проводив её взглядом, покрутил затёкшей шеей в разные стороны, крутанулся в поясице, и повинаясь желудку, пошёл в ближайшее бистро. Посетив туалет, вымыв руки и умывшись, взял сперва стакан воды, а потом, отринув желание заказать всё и сразу, взял киш по лотарингски немного вина.

Пара глотков вина... а недурственно! Не самое лучшее, но для недорогого бистро несколько даже неожиданно хорошо. Киш оказался ничуть не хуже, так что я, смакуя каждый кусочек и не

забывая запивать его вином, принялся наслаждаться обедом, рассеянным взглядом поглядывая по сторонам.

До вечера ещё далеко, и потому быстро стоит полупустое. Но даже сейчас здесь есть занятные типы, наблюдать за которыми довольно-таки интересно. Впрочем...

... это всё потом. Сейчас у меня не то чтобы закрываются глаза, но после бессонной ночи и тяжёлого путешествия, сознание работает на холостых оборотах.

Попытавшись вспомнить список дел, потерпел сокрушительное поражение и прибег к помощи записной книжки. Листая её и не забывая о кофе, составил план действий, к реализации которого приступил без промедления.

– Сперва в банк! Хотя... – хлопая себя по карманам, – сперва в квартиру вернуться надо.

Заскочив по дороге в несколько магазинчиков за всякой хозяйственной мелочёвкой, вернулся в свою мансарду и не без труда открыл дверь, постоянно вспоминая недавние наставления квартирной хозяйки о том, что с ключом нужно обращаться «нежнее». Затем, закрывшись изнутри, разобрал часть вещей и только потом обратил внимание на обстановку в комнате.

– Да-а... – протянул я, тыкая носком ботинка в засохший огрызок яблока на полу, – это по её мнению «немного грязно»? Вот это свинарник! Ладно, приберусь... хотя Эка тот ещё кадр!

Снова захотелось в туалет, но посетив его и рассмотрев наслоения гуано на унитазе, я решил снова сходить в бистро. А квартира... придётся нанять кого-то, чтобы вычистили этот хлев!

– Ну, Эка...

Открыв щелястое, нещадно скрипучее окно, обещающее постояльцу постоянный приток свежего воздуха, а иногда и виды, я подтянулся и выскользнул на черепичную крышу.

– Ну... хоть в этом не ошибся, – констатировал я, озирая возможные пути отхода. Собственно, я и выбирал временное жильё прежде всего по близости к Сорбонне и путям отступления, случись вдруг что.

... и только сейчас стало ясно, что «вдруг что» осталось в России, а здесь, разумеется, не «тишь, гладь и Божья благодать», но уж точно – квартиру следовало выбирать по иным параметрам!

– Ладно, – я попытался утешить себя, – пара недель максимум, и найду нормальную квартиру!

Стараясь зачем-то, чтобы меня не было видно с улицы, осторожно прошёлся по крыше, запятнанной голубиным гуано, кошачьими «подарками» и разным сором, принесённым ветрами. Виды потрясающие! Хоть здесь владелица квартиры не соврала...

Оценив возможность устроить на крыше пикник, нашёл эту идею вполне интересной. Прибраться слегка, и пожалуйста – можно будет попивать кофе или вино, обнимая девушку и любуясь видами Латинского квартала в качестве прелюдии. Ну или пить вино с такими же студиязусами, беседовать с ними о всяком разном, орать с крыши песни и строить грандиозные планы на будущее.

Спустившись вниз, зашёл к консьержу, листающему в своём закутке старую газету и не выпускающему из тонкогубого рта потухшую трубку. Завидев меня, он вопросительно приподнял бровь и перекинул трубку во рту, шевельнув роскошными усами.

– Позвонить? – зачем-то переспросил он, – А... звони, только платите сразу. А то знаю я вас, студентов!

– Да, меcье, – кивая я, протискиваясь мимо него к телефону, стоящему на отдельном столике.

«– Винтаж! – мелькнула восхищённая мысль при виде сего девайса, – Не удивлюсь, если это один из первых аппаратов современного типа, очень уж вид соответствующий. Скорее всего, его купили где-нибудь на блошином рынке...»

Мелькнула и ушла (но не до конца!) мысль о том, что лет через несколько, когда (и если!) дела пойдут более-менее хорошо, неплохо бы прикупить где-нибудь в Швейцарии домик. Не только как вложение капитала и убежище от Смутных Времён, но и как хранилище для подобных винтажных вещей.

Присмотреть особнячок в глуши с большими, сухими подвалами, и покупать потихонечку на блошиных рынках Парижа то, что лет этак через полсотни будет цениться на два порядка дороже. Потому что картины, это само собой, но и вещицы такого рода, особенно не нуждающиеся в каких-то сложных условиях хранения и не боящиеся плесени, вполне недурственное вложение капитала!

Да собственно, и не только капитала... по крайней мере, не напрямую. Большинство значимых коллекционеров люди состоятельные, с так называемыми «старыми» деньгами. Влиться в эту среду, стать в ней не просто «своим», но и в некотором роде заметной фигурой, дорогого стоит.

Листая записную книжку, чьи страницы набрякли от сырости, нахожу нужный номер и снимаю трубку с рычагов.

– Мадемуазель! – слышно плохо, будто барышня на телефонной станции держит трубку в полуметре от себя. Да ещё какие-то потрескивания, будь они неладны, – Мадемуазель, соедините меня...

Консьерж, пожилой носатый француз, низкорослый, несколько полноватый и заросший обильным волосом, слушал мои разговоры безо всякого стеснения, нещадно дымя и не пытаясь даже делать вид, что ему это неинтересно.

– ... да, месье, да... Алекс! Нет, из России! Из Москвы! Да, да, Пыжов!

– ... да, в любое удобное для вас время, месье Николя!

– Мадемуазель! – консьерж выразительно трясёт пустым кошельком, показывая, что надо доплатить. Телефон нынче удовольствие ох какое недешёвое!

Киваю понятиливо, и удерживая трубку плечом и шеей, роюсь в карманах. Где же, где...

– ... соедините меня...

Наконец, несколько охрипнув и заработав лёгкую головную боль от беспрестанных попыток вслушиваться в треск, кладу трубку и устало приваливаюсь к стене, разминая шею.

– Студент? – фамильярно поинтересовался консьерж, окутываясь клубами дыма и приобретая известное сходство с хоббитом, – Слышал, рекомендации получил? Это много значит!

Ссорится с консьержем последнее дело, но и тратить время на беседы со скучающим стариканом я не имел особого желания. Поэтому вежливо покивав, узнал о славном боевом прошлом дядюшки Жака, отговорился недостатком времени и ушёл в банк.

Несовершеннолетнему, да ещё и гражданину другой страны, открыть во Франции счёт не так-то просто. Но как обычно это и бывает, нашлись обходные пути. Всё, разумеется, полностью законно... просто надо знать, куда и к кому стучаться.

Рекомендательные письма сделали своё дело, счёт был открыт в кратчайшие сроки, и всего через два часа, открыв не только счёт, но и арендовав ячейку, я отправился за привезёнными из Дании книгами.

– Переезжаешь? – удивился дядюшка Жак, вздёргивая кустистые брови, – Уже?! Быстро иудейка в этот раз...

Последнюю фразу консьерж пробормотал себе под нос, так что мне могло и послышаться.

– Нет? – он покивал, посасывая трубочку, – Ну да, ну да... С другой стороны – квартира, между нами, хотя и дрянь, но недорого, да и расположение удачное.

Смелость его объяснялась не только военной пенсией, но и тем, что Папиашвили владеет не всем зданием, а именно мансардой. Какая-то сложная система долевого домовладения,

подробности которой мне не слишком интересны, так что я особо не прислушивался, пропуская ворчанье, сопенье и кхеканье старика мимо ушей.

Понял только, что дядюшка Жак – человек заслуженный, а Эка – не то чтобы мошенница в юридическом смысле этого слова, а скорее – ловкая и пройдошливая особа, не обременённая моральными принципами. И она, чёрт подери, не француженка! Французы, по крайней парижане, люди хоть с хитрецей, но порядочные, а не всякие там...

Поднявшись со мной (без моего на то желания), консьерж удивлённо вскинул брови, пройдясь по комнате.

– Это надо же... – только и сказал он, зайдя в туалет, засвистев что-то похоронное и безразлично рассматривая обстановку. Затем дядюшка Жак примерился задом в кресло, ощутимо продавившееся и раскорячившееся под его весом.

– Н-да... – протянул он, осторожно встав и отряхиваясь, – у нас, во Франции, так не принято! Это надо же... Супруга моя здесь приберёт, ты не против?

Сумму он запросил не то чтобы маленькую, но я, сделав поправку на столичные цены и общую засранность квартиры, нашёл её адекватной. Оживившись будущему прибытку, дядюшка Жак выскочил на улицу за извозчиком и помог мне с чемоданами.

– Книги, что ли? – пыхтел он, вытаскивая их на улицу.

– Да, дядюшка Жак.

– Никак ценные? – в его маленьких глазах, спрятанных в кустистых бровях живое, какое-то детское любопытство. Таиться не вижу смысла, и потому откровенно, хотя и опуская некоторые детали, рассказал о своих заработках, надеясь на рекламу.

Во Франции, а тем более в Париже, такого рода деятельность вызывает самое полное одобрение. Здесь всё дышит Историей и Искусством, а французы, не без основания полагая Париж культурной столицей Европы, находят в этом не только удовольствие, но и некоторый профит.

Обычный парижанин, нередко даже такой вот простецкий дядюшка Жак, сносно разбирается в искусстве, и пользуясь возможностью, наполняет своё жилище тем, что он считает предметами искусства или просто милыми безделушками, и как правило, очень задёшево.

Париж, он как Молох, перемалывает судьбы Творцов, приехавших с разных частей света. Лишь немногим из них достаются слава и почести, и совсем немногим – при жизни. Большинству же достаётся безвестность, разочарование, очень часто – чахотка, саморазрушение всеми возможными способами, и ранняя смерть. Но все они, так или иначе, оставляют после себя творческое наследие, пусть даже и остающееся по большей части безымянным.

А парижские обыватели, элегантно небрежные при любом достатке и при любом режиме, имеют возможность приобщаться к прекрасному и смотреть свысока на прочих неудачников, которым не удалось родиться в Париже и даже (о ужас!) во Франции. Они, обыватели, считают себя выше других просто в силу рождения, и чёрт побери, они не так уж неправы!

Нередко бывает так, что картина, купленная у нищего художника, десятилетия спустя составляет основу семейного благополучия. Вещицы, приобретённые по случаю на блошиных рынках, в магазинах старьевщиков и попросту с рук у обнищавших приезжих, при наличии хотя бы минимального вкуса и чутья, стоят до поры на полках парижан, формируя художественный вкус и украшая жилище. При нужде эти вещицы относятся на блошинный рынок или в антикварную лавку, и парижский обыватель, поправив свои дела, всё такой же элегантный и внешне легкомысленный, обращает свой взор на Творцов, приехавших в Париж из провинции.

– Ну, это правильно, – покивал дядюшка Жак, окутываясь клубами дыма, – ты мне вещички-то показывай, хорошо?

Разобравшись с банком, не стал терять времени и сразу пошёл на почту. От усталости и бессонницы, да на полный желудок, накатила умственная вялость и некоторое равнодушие

к происходящему, так что с красотами Парижа и собственно парижскими обывателями решил разбираться потом.

На почте передо мной оказалась пахнувшая луком и потом немолодая парижанка, одетая не без претензий на элегантность и кокетство, но страшная, как горгулья. С выразительным торчащим носом, скверными зубами, почти отсутствующими скулами и маленькими, глубоко посаженными тёмными глазами, она необыкновенно походила генерала де Голля, за каким-то чёртом затеявшим игру в переодевания.

Пожилая прелестница вздумала было строить мне глазки, и честное слово, это прогнало весь сон! Одно дело – хмыкнуть при виде интересного типажа, и совсем другое, когда это деголлевский типаж начинает кокетничать!

Стараясь не дышать и не морщиться слишком уж выразительно, я старательно изображал тупого провинциала, решительно не понимающего, что женщина «чуть старше» может многому научить «неискущённого молодого человека». Под конец чуть не сорвался на грубость, сдержавшись только из опасения, что скандал отнимет у меня время.

– Добрый день, месье, – здороваюсь с телеграфистом, крепким мужчиной лет под сорок, протягивая заранее написанный текст и пытаюсь не замечать ужимок немолодой кокетки, решившей во чтобы то ни стало записать меня в свои трофеи.

– Куда? – деловито поинтересовался месье, краем глаза косясь на даму и еле заметно усмехаясь.

– Севастополь.

– А, Россия... – взгляд служащего затуманился воспоминаниями, – славный город!

... и неожиданно:

– У меня там дед погиб.

Хмыкаю... а что, собственно, можно ответить на такое?

– На Малаховом кургане, – ностальгически вздыхает служащий, – в рукопашной схватке... Ладно, что там у вас?

Отдав служащему загодя написанный текст, поясняю зачем-то:

– Сёстрам!

– Да... – кивает тот, – Революция!

Ему, французу, всё ясно. Да и что тут говорить? Революция!

А меня внезапно догоняет запоздалая тоска, уже, казалось бы, давным-давно пережитая. Как там сёстры? Когда я был в Дании, справлялся по телеграфу, и всё у них было хорошо. А сейчас?

Как, случись вдруг что, я буду вытаскивать их из России? На что содержать? Не знаю... нет ответа.

«– А ведь поеду... – понял я с внезапной тоской, – случится что, так всё брошу и поеду. Дуры! Дурищи! Но свои дуры, родные и любимые. Так вот...»

По возвращению домой я договорился с дядюшкой Жаком об услугах его супруги на регулярной основе, и затеял мыться. Водопровод в доме есть, но вода идёт только холодная, и греть её надо отдельно, что не радует. Притом титана в мансарде, разумеется, нет, как нет, собственно и плиты.

Со старым примусом, позаимствованным у консьержа под символический залог, я изрядно намучался. Дело это не такое простое, как казалось при наблюдении за слугами. Основательно пропахнув керосином, я всё ж таки разобрался с этим технологически сложным устройством, и вытащив из-под кровати жестяное корыто, начисто его протёр.

Мыться, сидя посреди комнаты в корыте, поливая себя из кувшина и стараясь не слишком сильно плескать на пол, удовольствие ниже среднего. Вода под задницей грязная, стынет моментально, да и привычки к такому мытью у меня нет.

Но отскрёбся. Отмыл с себя дорожную пыль, пот, угольную копоть из паровозной топки и запахи чужих людей.

Время ещё относительно раннее, но раз уж тянет в сон, то нечего противиться такому желанию. Расстелив бельё, попытался было уснуть, но кровать так отчаянно скрипела и раскачивалась, что я плюнул на всё, и стащил матрас на пол.

Помянув Эку недобрым словом, я признал, что получил хороший урок. Вот поди ж ты! Вроде и битый жизнью, и с мошенниками на Сухаревке сталкивался, а оплошал.

Наверное, встреча с матушкой и тяжёлый переезд выбили меня из колеи, но всё же, всё же... Впрочем, невелика цена и хорошая прививка от куда более серьёзных неприятностей. Буду помнить, что в Париже подобных особ предостаточно, и есть куда как более хваткие!

Несмотря на усталость и закрывающиеся глаза, сон не шёл. Слишком много впечатлений, событий и...

... ошибок.

Немного больно от того, что встреча с мамой прошла так неловко и скомкано. Думалось, всё будет как-то... не так. Иначе.

Но с другой стороны, её жизнь в поместье кухни оказалась не такой серой и беспросветной, как я себе напридумывал. Так... жизнь как жизнь, не самая скверная. Обычная.

Тётушка Магда несколько старше, и судя по тому, что я увидел, дама она властная, но без склонности к тиранству и самодурству. Маменька же, напротив, всегда была несколько... травоядной. А потом ещё был папенька, здорово проехавшийся по её самооценке, да и кажется – психике...

С кухиной мама дружит с детства, они давным-давно притёрлись друг к другу, и судя по всему, никаких неудобств в таких отношениях не находят. Это пусть несколько покровительственная, но всё ж таки искренняя дружба и родственная приязнь.

Роли ведомой и ведущей выстроены с детства, привычны, и наверное, даже уютны. Ничего, в общем-то такого, обычное дело. А как, что... не суть важно.

Уже засыпая, я подумал о скачках настроения, не до конца слившихся личностях из двух времён и возникающих от этого проблемах. Только вот что с этим делать... не знаю. Не к психиатру же идти, чёрт подери?! Медитацией заняться, что ли?

Как вариант – взять в Университете психологию дополнительным предметом? Не очень-то хочется...

... но похоже – надо!

* * *

Громыкнуло так, что задребезжали стёкла в домах, а потом снова, и снова...

– Дьявол! – экспрессивно выразился немолодой мужчина, придерживая чуть не слетевшую шляпу и ускоряя шаг, – Не иначе там, в Небесах, кто-то затеял наступление и начал артиллерийский обстрел неприятеля!

К его ногам, путаясь в поводке и прижимаясь к земле, прижался испуганно скулящий пожилой фокстерьер.

– Тибо, трусишка... – ласково произнёс месье, подхватывая собаку под живот, – Ну, маленький... не бойся!

Ускорив шаг, он догнал трамвай и заскочил на ходу, опередив первые капли дождя, упавшего на мостовые Парижа. Почти тут же в спину меня толкнул порыв ветра, заставляя ускорять шаг.

В небе ураган закручивает облака в причудливые узлы, набухающие на глазах, наливающиеся грозовой чернотой. Время около полудня, но в самый короткий срок стемнело так сильно, будто солнце уже садится на край горизонта.

Наэлектризованная атмосфера топорщит дыбом волоски на руках, щёкочет кожу крохотными электрическими разрядами...

... или это мне кажется?!

Всё вокруг стало так готично, мрачно и торжественно, что не нужно даже декораций, чтобы почувствовать себя героем романа о Дракуле, и притом, чёрт подери, не главным! Гроза, молнии, опускающаяся на город Тьма...

... ах, как это восхитительно страшно!

Снова порыв ветра, бросивший в лицо капли дождя, и вот уже по парижским мостовым застучал сильнейший ливень, смывая с тротуаров собачьи «каштаны», окурки и весь тот сор, что не успели убрать нерадивые дворники. Кажется, не прошло и минуты с того мгновения, когда упала первая капля, но вот уже потоки воды на мостовых выше щиколоток.

Сбросив с себя куртку, в последний момент успеваю ухватить сорванную ветром кепку, и скомкав её, запихиваю в карман брюк. Подняв куртку над головой, как зонтик, мотаю головой Валери, уже промокшей, но чёрт подери, улыбающейся!

У неё чёрные кудряшки, налипшие сейчас на лбу, тёмно-карие глаза, ослепительная белозубая улыбка и потрясающий голос! Хохоча, она подхватила меня под руку, и мы побежали по лужам, не выбирая, куда ступать.

Брызги, ржание испуганных лошадей, человеческая толчея, отчаянная божба! Бежим, перебегая дорогу перед отчаянно затрезвонившим трамваем, пробегаем мимо испуганной лошади, которую тщетно пытается успокоить извозчик...

... зеркальных витрин первых этажей, захлопывающихся ставен, хлопающих парадных, перепуганных кошек и собак, которые пытаются забиться чёрт те куда, не соображая от страха ровным счётом ничего!

Порыв ветра бросает с балкона тяжёлый цветочный горшок в нескольких метрах от нас, звенит разбитое стекло...

... а мы бежим и хохочем, потому что, чёрт подери, мы молоды и влюблены! Эта не та любовь, которая всерьёз и надолго, а просто Париж, весна, молодость...

Так, взявшись за руки, вбегаем в парадную.

– Здравствуйте, дядюшка Жан, – звонко приветствует старикана Валери, а вслед за ней, чуть запоздав, звучит и мой голос.

Наверх, вверх, вверх... дробно стучат каблуки по деревянной лестнице, поскрипывающей под ногами. Распахивается дверь и захлопывается так, что отлетает штукатурка! Проворачивается со скрежетом ключ...

... и я подхватываю Валери на руки.

– погоди, – неохотно, но решительно отстраняется девушка, – я в грязи по самые брови!

– Я тебя и такую...

– Не надо, – всё также мягко говорит она, но горе тем, кто обманется этой кажущейся слабостью!

Вздыхаю протяжно... на что Валери смеётся и целует меня в лоб.

– Дурачок! – говорит она, тут же отстраняясь, – Я тоже хочу! Просто я не хочу – так...

С примусом я немного приспособился, да и в целом упорядочил свой быт. Вскоре кастрюля с горячей водой уже кипела, а жестяное корыто было вытащено на середину комнаты.

За окном по-прежнему грохочет гром, дребезжит оконное стекло, и тоненькая струйка воды уже стекает с подоконника с подставленный кувшин. На улице страшно, темно, и наверное, опасно...

... но тем разительней контраст!

Омывая тело Валери, особое внимание уделяю всяким чувствительным местечкам. Не только попа, соски и аккуратно подстриженный треугольник промеж ног, но и поясницу, лопатки, розовое ушко...

– Всё, – хрипло говорит она, выходя на подстеленное полотенце, – иначе я сейчас...

Валери не договаривает, но и так всё понятно. Подхватив корыто, несу его в туалет, где очень осторожно сливаю воду в унитаз. Канализация в доме... нежная.

Впрочем, плевать! Вода для меня уже нагрелась, и моя девушка, озорно поблёскивая глазами и сдувая падающие на глаза локоны, манит пальчиком, показывая на корыто.

... я как статуя из древних веков. Не столь совершенный, но такой же мраморный! Ну или бронзовый... не суть. Местами особенно. А когда она, уже закончив мытьё, опустилась на колени...

Потом... сильно потом мы лежали, прижавшись друг к другу. Валери задремала, уткнувшись мне в плечо и тихо посапывая.

Я же, несмотря на приятную истому и опустошённость, ни в одном глазу! Осторожно тянусь всем телом – так, чтобы не потревожить подружку.

– Хорошо... – произношу одними губами. Сейчас бы закурить... хотя нет. Не тянет.

В Париже я вообще ни разу не курил, просто не хочу. А за компанию... как-то не было необходимости. Компании были, а необходимости не было!

Здесь, во Франции, я решительно никому не интересен, и мне, чёрт подери, это нравится! Я просто перспективный студент. Просто!

Здесь, во Франции, хватает и своих героев. Настоящих, а не как... потом.

Я и в России-то, если судить беспристрастно, второстепенный персонаж! Сейчас там время Гучковых, Деникиных, Троцких, Ленина...

Жив Николай, Второй этого имени. Жива его супруга, Цесаревич, Великие Княжны. Не случилось... во всяком случае – пока.

Российская политика сейчас – как бурлящий на плите суп, варящийся из всякой залежавшейся в кладовке дряни. На миг всплывёт на поверхность Великий Князь Михаил с алым бантом на груди, и почти тут же исчезает где-то в самом низу, и вот уже всплывает Антон Иванович Деникин...

К качеству специй в этом революционном котле такие личности как Дыбенко, «вешатель» Ренненкампф, всевозможные «батяшки», и те лихие люди, которым, по хорошему, нужно идти не в Революцию, а к психиатру! А они – не просто на свободе, а делают Историю...

Гнут её под себя, под своё полусумасшедшее виденье Мира! И право слово, нельзя даже сказать однозначно – кто хуже!

Умеренные сейчас не в почёте. Даёшь! И дадут... Белый террор. Красный.

Центристы, будь то с левым или правым креном, слишком нормальны для этого сумасшедшего дома. Они готовы договариваться, идти на компромиссы... а сумасшедшие и фанатики просто убивают оппонентов, захватывают заложников и расстреливают у ближайшей стенки за недостаточную лояльность – десятками! Белые, красные... один чёрт!

А где-то продолжается почти прежняя жизнь. Ходят по бульварам барышни, разглаживают усы важные городовые, а всего в несколько километрах может быть совсем другая жизнь!

Страна порвана на куски так, что нельзя однозначно сказать, кто где. Японская интервенция на дальнем востоке, британская – в Архангельске. В Одессе французы и греки, на Волыни германцы.

Я же почти забыт. Нет, обо мне помнят обыватели и журналисты, но так... не на слуху. Не до меня.

Впрочем, не жалею, чего уж там. Моё появление и без того изменило Историю. Не знаю, насколько сильно, но...

... император, пусть и трижды бывший, жив.

Сторонники монархии предпочли бы видеть его убитым, и желательно – мученически. Самодержец, ухитрившийся за время своего правления растерять сторонников даже среди ярых монархистов, которые не видели Россию иначе как Империей...

... кому он, к дьяволу, сдался?!

А ведь сейчас гражданин Романов не где-то там в эмпиреях, сияющих от нестерпимого блеска гвардейских штыков, золота и помазания на царство, а просто – гражданин. Без цензуры, без оглядки на охранку.

Не человек, а живая дискредитация Идеи! Говорящая задница!

Впрочем...

... чёрт с ним!

Осторожно освободив руку, я встал и оделся. Валери что-то пробормотала во сне, нащупала подушку, обхватила её руками и снова засопела. Прикрыв её одеялом от сквозняков, некоторое время стоял у окна, бездумно глядя на разбушевавшуюся стихию.

Улицы Парижа уже не напоминают филиал владения Тьмы, но ветер по-прежнему силён, да и дождь нет-нет, да и срывается. В такую погоду хорошо сидеть дома...

Наступив в лужицу, натёкшую из переполнившегося кувшина, чертыхнулся и пошёл за ведром и тряпкой. Надо всё-таки искать квартиру... или подождать до восемнадцати? Будет немного проще... Ладно, разберусь!

Прибираясь, наткнулся на письмо от сестёр, валяющееся на столе, и перечитал его, за каким-то чёртом не выпуская тряпку из рук.

– Люба ждёт ребёнка... – вслух проговорил я, тягостно вздыхая. Племянник... или племянница, неважно! Вроде и рад, а вроде... рожать в стране, охваченной Гражданской войной, это...

– А всё-таки родная кровь, – подытожил я меланхолично, – какая ни есть!

Глава 5 Не день, а чёрт те что!

Окна и двери распахнуты настежь, но всё равно – жарко, всё равно – лето! По аудитории, жужжа, летает солидный шмель, занимаясь какими-то своими шмелиными делами. Он солиден и основателен, как парижский буржуа, почти столь же наряден, и в отличие от буржуа, не вызывает никакого раздражения.

А за окном – июнь, и ах, какие запахи доносит ветерок в аудиторию! Пряные ароматы цветущих растений, подстригаемой зелени, газolina и парфюма, нагретого солнцем асфальта и внутренней свободы. Париж! Город, восхитительно прекрасный даже летом.

В это время большинство студентов и преподавателей разъезжаются на вакации, но есть и те, для кого учёба и научная деятельность превыше всего. Сорбонна, что тут ещё сказать!

– ... если мы углубимся в область экспериментальной психологии, – одухотворённо вещает профессор, – то сможем достоверно установить...

Жужжа, шмель опускается мне на голову и ползает там, ероша волосы. Не сгоняю, пусть его...

Хотя я и не намереваюсь делать психологию своей специальностью, но не мешает несколько систематизировать имеющиеся знания. Полагаю, что в некоторых, очень узких областях этой науки, я могу дать фору всем местным светилам. Другое дело, что такие вещи, как психология бизнеса, которую я учил в другой жизни, хотя и способна помочь мне в делах, то вот в проблемах с головой... увы.

К светилам, будь они даже трижды гениями и отцами-основателями, обращаться опасюсь. Подозреваю, что с точки зрения канонической психологии, и пожалуй, даже психиатрии, меня сложно назвать полностью здоровым человеком. А эта наука, она нынче такая... карательная.

Краешком коснулся, и таким холодком повеяло, из подвалов НКВД, Гестапо, Инквизиции и иже с ними. Веет, веет ветром перемен... но как вспомню, что впереди ещё такой передовой способ лечения, как лоботомия, за который получают Нобелевскую премию, так дурно становится.

Вообще, медицинские эксперименты в стиле приснопамятного доктора Менгеле¹⁵, в настоящее время вполне распространены, и не вызывают особого осуждения. В психиатрии и отчасти психологии тем более.

Поэтому слушаю со всем вниманием, да и профессор не какой-нибудь ноунейм, а Светило мировой величины! Совсем уже старенький, но психолог первоклассный, а уж лектор...

Так будут учить в европейских и американских университетах двадцать первого века, и так, увы, почти не учат в настоящее время. Лёгкость изложения, обилие проверенных медицинских фактов и стремление создать из психологии точную науку, не занимаясь подтасовкой данных, чем грешат многие исследователи.

– ... не возводя эмпиризма в безусловный принцип, и допуская метафизику как изыскание конечных причин, не входящее в область точных наук...

Голос сильный, звучный, несмотря на ветхость носителя. Чуть ссутуленный, Теодюль Рибо, опираясь на кафедру, пытается донести до нас всю красоту психологии как науки, всю её многогранность и возможности.

Несмотря на лето, слушателей больше сотни, и тишина... Впрочем, как и всегда! Он не только выдающийся специалист в своей области, но и преподаватель от Бога, способный донести знания так, что они, кажется, укладываются в голове сами собой. А это дорогого стоит!

¹⁵ **Йозеф Мэнгеле** – немецкий учёный-медик – врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны. Доктор философии (PhD) по медицине.

В моих волосах жужжит шмель... Слушаю профессора, сидя на первом ряду. Давняя привычка, не люблю ничего пропускать!

В дисциплинах, подобной этой, важны бывают не только слова, но и интонация, мимика. Нет, они не несут иной смысловой нагрузки, но позволяют настроиться на одну волну с лектором, понимать его чуть быстрее и глубже.

– Задержитесь, молодой человек, – негромко окликнул меня Рибо после лекции. Киваю согласно и отпускаюсь назад на скамью, пропуская галдящий поток студентов, спешащих вон из аудитории.

Задержались немногие, и профессор терпеливо отвечал каждому, очень ёмко и поразительно развёрнуто за самый короткий промежуток времени. Но вот ушли последние...

– Я заметил, – неторопливо сказал Рибо, собирая бумаги в портфель, – вы понимаете психологию глубже и яснее большинства моих студентов, и уж всяко – лучше любого первокурсника.

Едва заметно склоняю голову и жду, что скажет профессор.

– Алекс... верно? – спрашивает он, – Вы из России, я помню. Не хотели бы вы заняться психологией более плотно?

– Простите, профессор... – начал я, но Рибо выставил ладони вперёд.

– Не отказывайтесь! Я понимаю, что чистая наука не для вас, и признаться, не вижу вас психологом. Но вот где-то в сопряжённых областях, в социологии или скажем, в политике, эти знания лишними не будут.

– Я... подумаю, – выдавливаю из себя. В ответ лёгкая улыбка, в которой переплелись мудрость и что-то мальчишеское. Ему, кажется, просто интересно...

... что из меня вообще получится! Кажется, моя бесстрастная физиономия, могущая поспорить выразительностью с кирпичом, для него как открытая книга, притом подчёркнутая в самых важных местах. Профи, что тут скажешь!

На улице меня обволокло пряное парижское лето, наполненное звуками, запахами и цокающими женскими каблукчиками. Разом вспомнилось, что во Франции погибло до трети молодых мужчин...

Хищные взгляды у женщин, откровенные, голодные. Парижанки и без того не славятся благочестием, а уж теперь-то и подавно! Было бы желание...

... и не было бы Валери...

Но у меня есть девушка, а Париж славится не только лёгкостью нравов, но и сифилисом! Я не так боюсь бушующей в мире эпидемии гриппа, как этой заразы, а местным хоть бы что... привыкли.

Заскочив домой, оставил в мансарде учебники и тетради, переоделся и поспешил на тренировку, озабоченно поглядывая на часы. Но успел! В последнюю минуту, но переоделся и вместе со всеми начал разминку.

– Смотри, – на бегу говорит мне Даниэль, молодой адвокат, – Старик сегодня выполз, сам разминку проводит! К чему бы это?

Хмыкаю, но не отвечаю. Даниэль болтлив, смешлив и способен превратить тренировку чёрт знает во что. С ним хорошо сидеть в кабачке, гулять в компании по Монмартру и Елисейским полям, но на тренировке я, чёрт подери, предпочитаю тренироваться!

В Академии Шарля Шарлеманя, как пафосно называется спортивный клуб, я на птичьих правах и плачу за тренировки суммы, которые можно назвать символическими. Случайно в общем-то вышло...

А народ здесь интересный собирается – место, можно сказать, культовое! При всей своей неоднозначности, Шарлемань считается ведущим специалистом по савату, хорошим боксёром и очень недурным фехтовальщиком, особенно в прикладном, уличном аспекте этого искусства.

Богатая публика разбавлена именитыми спортсменами и просто интересными людьми. К последней категории, с некоторой натяжкой, отношусь и я. Благо – не как «политик а-ля рюс», а как хороший переводчик, что стало для меня некоторой неожиданностью. Я до сих пор не разобрался даже, а кто меня, собственно, порекомендовал?

Связи людей искусства, к которым я могу относиться и себя безо всякой натяжки, разветвлены, причудливы и запутаны необыкновенно. Я не до конца разобрался в московских хитросплетениях, а тут – Париж!

Несмотря на открытые окна, в зале стоит густой, вязкий запах пота. Запах, присущий любому спортивному залу, помноженный на отсутствие кондиционеров, дезодорантов и привычку мыться не каждый день. В раздевалке иногда аж глаза режет...

– Руки... руки, Алекс! – кричит тренер.

Киваю, но в большинстве случаев продолжаю делать по-своему.

– А-а... москвит! – машет рукой тренер, рассерженно дёргая тонкий кошачий ус и отходя в сторону, – Делай как знаешь!

... а я знаю. Не великий мастер, но за моими плечами Школа, точнее даже – Школы.

Отработка связок, потом – спарринг в вольном стиле по правилам французского бокса, работаем на касание.

Напарники меняются, не выдерживая темпа. Я не панчер, но достаточно техничен, быстр, отменно вынослив и умею думать в бою, что редкость в любые времена. Была бы голова крепче, и хоть в профессионалы иди...

– ... вольный спарринг! – слышу голос тренера, – По правилам английского бокса, работаем на касание!

Бокс так бокс... тоже хорошо. Ссутулившись, вжимаю голову в приподнятые плечи и выставляю вперёд левое плечо, прикрывая голову руками и затанцевав на носках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.